

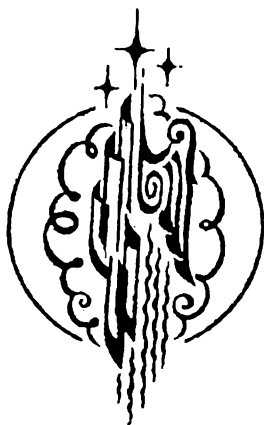
Д. Кутультинов

СУДЬБА

*Давид
Кугультинов*

*Давид
Кугультинов*

Судьба

Стихи и поэма

Перевод с калмыцкого

*Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1997*

ББК 84.3Р7
К 886

В оформлении переплета использована гравюра Г. Клодта

К $\frac{4702260202 - 001}{М 126(03) - 97}$ Без объявл.

ISBN 5-7539-0376-2

- © Д. Н. Кугультинов, 1997.
- © Форзац, художественное оформление,
С. А. Бадендаев, 1997.
- © Переводы, отмеченные в содержании
звездочкой, 1997.

Я обречен писать стихи...

Человеку, возраст которого измеряется 75-ю годами, странно оглядываться назад и верить тому, что видишь, и еще труднее верить тому, что ты будешь говорить всю правду о том, что ты видел и думал, и потому, мне кажется, самое верное в данном случае — опираться только на факты неоспоримые. Например, родился в 1922 году в семье образованного калмыка, окончившего Ставропольскую мужскую гимназию и потому, естественно, пытавшегося вырастить порядочного сына, если есть возможности развить его способности. Дальше, отец учился потому, что мой дед был трудолюбивым и зажиточным, и потому появился еще один факт моей биографии: деда раскулачили в 1931 году, и мы все оказались детьми "мироеда-кровососа", как выразился один бездарный калмыцкий писатель. Моего деда, сосланного на Урал, убило деревом на лесоповале, бабушка умерла, наевшись золы в состоянии голодного психоза. Отец и мать были осуждены Советской властью. Я был обречен писать стихи и быть гражданином этой державы. Я понимал истинность девиза: "Все должны быть счастливыми", и поэзия должна служить, как говорил Шопенгауэр, эвдемонологии — науке быть счастливыми всем. Но до сих пор не понимаю: могли ли быть одинаково счастливыми Фауст и Мефистофель. А ведь все рождаются со своей метой судьбы. Конечно, Фауст добрее, а Мефистофель — все может и умеет, но добра в нем нет, и если конечной целью умения и всемогущества является высшее добро, то оно уже у Фауста есть. Человек должен быть добрым, но для этого он непременно должен любить и быть любимым. Это внушила мне моя жизнь, в которой были войны, тюрьмы, многолетние, каторжные, на берегу Ледовитого океана, и взлеты до члена Президиума Верховного Совета СССР. Уроки многих лет подтверждают: прав был Пушкин, когда говорил:

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец...*

И прав был Лермонтов, когда говорил:

*Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу,—*

голосу любви.

Я видел жизнь, и она никогда не пыталась учить меня, потому что она была мною. Я старался — часто, наверное, подсознательно — писать себя и любовь в себе ко всему для того, чтобы другие, в которых существую я, обходили ту боль, с которой встречался я, ибо я их люблю. Только Любовь необъяснимой всевластной силой Озаренья исправляет ошибки того, что мы называем Разумом и Мудростью.

Давид Кугультинов

СТИХИ

* * *

Когда бы, друг, на ум тебе пришло
В рублях исчислить строчки этой цену,
Какое бы ты ни назвал число,
Ошибку ты допустишь несомненно.

Что зря считать? Походи за мной вослед,
Не убоясь обид и унижений,
Кровавою тропой военных лет
И по тылам — почище всех сражений.

На шкуре — на своей, а не из книг
Узнаешь зло эпохи той постылой,
Стерпи все то, что претерпел калмык,
Своею собственной питаясь силой.

Как я, промерзши в ледяном аду
Там, где полгода ночь стоит глухая,
Снеси весь гнет, всю черную беду,
Не возопив: "Спасите! Замерзаю!"

Познай всю мерзость голода, какой
Не знал Кнут Гамсун, — той, что иссушила
Все тело так, что щупаешь рукой
Свой позвоночник — костяное шило.

Когда же снова высшей Правды свет
Жизнь озарит, ты все ж, не успокоясь
Тем, что сегодня сыт и обогрет,
Как знамя, в высоту поднимешь Совесть

И всенародно, став пред подлецом,
Поклонами не искривляя спину,
Всю правду в наглое швырнешь лицо,
Всю правду-истицу, не половину!

И если, совершая этот путь,
Увидев землю сладостной и горькой,
Ты сможешь жизнь голодному вернуть,
По-братски поделясь последней коркой,

Тогда, в свидетели призвав года,—
Да подтвердят, что я не знал измены!—
Тогда ты только, только лишь тогда
Моей строке дашь истинную цену!

Девушка-джангарчи¹

*Много лет тому назад
Та, что не была женой,
Спела "Джангар", говорят,
В нашей стороне степной.*

Где вечер красной поволокою
Повил сгущавшуюся тьму,
Предстала девушка далекая
Воображенью моему.

Не звездный свет, а теплый, жизненный
Мерцал в глазах ее. Она
Цвела красой безукоризненной,
Была на диво сложена.

В сапожки красные обутая,
Взяла домбру. И в тишине
Услышал песню в ту минуту я,
Что сквозь века неслась ко мне.

В доспехах времени походного,
Как будто пред лицом зари,
Собрались Джангра благородного
Пред девушкой богатыри.

Стоявшие в кольчугах кованых,
С красавицы степной они
Глаз не сводили очарованных,
Как будто бы с Рагни-Дагни²,

¹ Джангарчи — исполнитель калмыцкого эпоса "Джангар".

² Рагни-Дагни — сказочная красавица.

И отражалась в их наружности
Суровость воинской страды;
Были ими недруг бит в окружности
Примерно годової езды.

И пела девушка умеючи
О них, что в седлах рождены.
И вонши той песней девичьей
Впервые были пленены.

И удивлялись смуглоликне:
"Да неужели это мы?"
Вблизи качали ветры дикие
Ковыль, взбегавший на холмы.

Припомнив радости и горести,
Им пела девушка о том,
Что пятен нет у них на совести,
А души чищены огнем.

И чувство, схожее с наптием,
Явилось к сыновьям степей.
И песня стала вдруг открытием:
Они себя познали в ней.

Ночью в окопе

Лежим. Не пропадем авось.
Темно на белом свете.
Пронизывает нас пaskвозь
Весенний черныи ветер.

А обувь — мокрая. Она
Дрожь вызывает в теле.
Как лед, вштовка холодна,
Аж руки онемели.

Лежат солдаты на войне,
Их снег с водою топит.
Они не в дыме, не в огне —
Они в степи, в окопе.

А все огни со всей земли
Как будто ветры сдули,
И лишь трассируют вдаль
Шальные чьи-то пули.

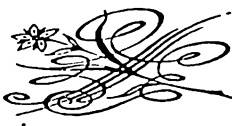
Солдаты тихо говорят
О новостях из дому,
И от души один солдат
Сочувствует другому.

Невесел, короток рассказ
Солдата пожилого:
"Моя-то пишет, что у нас
Порожня корова..."

А молодой солдат сказал —
И у него забота:
"Темно, а то бы показал
Своей невесты фото".

Мечты о доме, словно сны,
Витают, согревая,
И на мгновение нет войны,
А только жизнь простая...

* * *

О милая, ты, как весна, хороша,
Как наша весна, чья живая душа —

В пленительном трепете травок-ресниц,
В живительном щебете славок, сениц...

Весна прошептала мне успела: "Приди!"
И радость опять закипела в груди...

А ветер щекочет дыханьем цветов,
А воздух — и сочен, и сладко-медов.

Весна меня манит, в просторы зовет...
Но вдруг за холмом затрещал пулемет.

Гудят самолеты. Взлетает земля.
За бомбою бомба взрывает поля.

Кто знает? Быть может, сейчас, на ходу,
Я словно запнусь, я согнусь, упаду...

Останусь навеки меж травами тут,
А может, калекой меня унесут...

Но будет весна и тогда, без меня,
Цветы раскрывать, словно пчелка звеня,

Всем, всем раздавать их, любовью дыша...
О милая! Ты, как весна, хороша.

Но я заклинаю, чтоб в сердце своем
Примера с весны не брала ты во всем.

Приветлива ты, и нежна, и добра,
Но, друг мой, не будь безрассудно щедра,

Подобно весне, что всем людям сродни!..
Ты ласку свою для того сохрани,

Кто полон тобою, и только тобой,
Кто с именем милой бросается в бой,

Чье сердце и нрав на особую стать!..
Не надо, родная, весне подражать!..

Молю тебя, милая, будь мне верна!..
Но — боже мой!— ты хороша, как весна.

Высота

Николаю Санджиеву

Взять высоту был дап приказ.
Враги сдержать пытались нас.
За кукурузными стеблями
Мы залегли. Вперед я звал,
Но с пулей в легком наземь пал.
Под Сарнами то было с нами.

Сознание на короткий срок
Вернул мне свежий ветерок,
И я подумал: "Вероятно,
Истекши кровью, здесь, в бою,
Я и закончу жизнь свою...
О, как бы кровь втолкнуть обратно!"

Уже с жужжанием вокруг
Носился рой зеленых мух,—
Они на кровь мою садилась...
И понял я, что смерть близка,
Когда земля и облака
В огонь, казалось, превратились!

Мне в рот холодная вода
Лылась, и я не знал, куда
Тянутся помертвевшим взглядом!
Не проронив ни капли, скуп,
Облизывал я корку губ;

И вдруг, в стеблях, со мною рядом,
В тугом венце сплетенных кос
Увидел девушку. Принес
Мне силу взор ее красивый:
Строга, доверчива, нежна,
Вдруг показалась мне она
Весь мир спасающей Россией!

Иду на суд

По бульжникам Бнїиска
Иду, отмеряя шаги.
И угрюмой конвой
Напряженно шагает за мной.

Шаг направо, налево шажок,
Чуть заметный подскок —
Пуля в спину, и точка —
Тебе разъяснили, дружок.

Дескать, ступишь не так —
И слепой не промажет в упор...
А конвойный-то, может, и рад
Передернуть затвор.

Но рискованной мечты не таю —
Я не верю беде.
Я уверен, что правду свою
Докажу на суде.

Бьется сердце в своей тесноте —
Ничего не боюсь!
Убежден я в святой правоте.
Потому тороплюсь!

Будто радостен даже:
Позорную мою печать!
Прав! Да встречным не скажешь,
А хочется миру кричать!

Снизу вверх на других
На свободе глядел я не раз.
Под конвоем на миг
Возведен надо всеми сейчас!

Мысли нет о вине!
Не смущает примета невзгод —
Кто ни встретится мне,
В переулок пугливо свернет.

Что ж, лобому подряд,
Как ни гни, голова дорога.
Жаль вот только, решат,
Что они повстречали врага.

Хоть и юн по летам,
Я окопного лиха хватил.
И под пулями там
Вас, прохожие, я защитил.

Весь ваш будничныи труд,
Ваше право на свет и на стих,
И сегодняшней суд,
И неведомых судьей своих.

Не стоял в стороне.
Никогда на попятный не шел.
Мысли нет о вине!..
"Десять лет" —
Занесут в протокол.

* * *

Вас — множество, и вы, меня браня,
Пыгаетесь направить ход событий.
Но слов, каких вы ждете от меня,
Вам не услышать,— чем вы ни грозите!

Не в вашей власти совладать с душой!
Чем запугать ее сегодня можно?
Ведь по сравнению с правдою большой
Все ваши наказания — так ничтожны!

Все ж у меня пока что разум есть,
Чтоб светоч правды не сменять на малость,
И мужество пока еще осталось,
Чтобы от вас все беды перенести!

Двадцать первый

Двадцать, оградивших страну от мук,—
Посреди пересыльных вех...
Тридцать пять ног и тридцать семь рук
Было у них на всех.

И двести, где каждый цел и здоров
И, по меньшей мере, не слаб,
С ними двести оголодавших воров
Составляли один этап.

Но едва над баландой, где все поврозь,
Разгорались свара и крик,
Двадцать отощавших молча, насквозь
Проходили толпу, как штык.

И, обнажая желтый оскал,
Со дна, где жижа густа,
Старательно миски им наполнял
Повар из тех двухста.

А когда наседало со всех сторон
Ворье, распаляясь вмиг,
Поднимались двадцать, будто их миллион!
И двести расползались от них.

Было тем двадцати не с руки
Отвечать на ропот из нор.
От них часовые-призывники
Виновато прятали взор.

И колокол лихолетья был
Вслед упрямому бытию...
Но Двадцать первый незримо стыл
Плечом к плечу с двадцатью:

Познав Историю не из книг
И веруя в торжество,
Отечество не покидало их,
От смерти заслонивших Его.

* * *

Ребята, не пришедшие с войны,
Живыми посещают наши сны.

Родимых братьев мне они родней...
Так много провели мы славных дней!..

Уроки мы учили сообща.
При имени девичьем трепеща,
Влюбленные, мечтали в должный срок
И первый жизненный прошли урок.

Товарищей, погибших на войне,
Всегда живыми вижу я во сне.

Когда ж по знаку вспыхнувшей зари
Внезапно в ключья разлетится сон,
Мне все же шепчет кто-то изнутри:
"Мы здесь, дружище!.. Нами ты силен..."

К тебе мы будем приходить и впредь..."
Они — со мной, друзья далеких дней!

Пока я жив, кто может их стереть
Из разума ли, из души моей?..

Любой из мертвых — жив и невредим,
Пока мы в памяти его храним.

Устрашение

Июнь в Норильске — ранняя весна.
Без сна, не разделяя дня и ночи,
Большое солнце тянется к зениту,
И ласкового света водопад
До зыбких луж низводит горы снега
Всего за сутки.
Словно торопясь,
Земля меняет лик.
Восходят травы.
И в тяге изумрудного роста
Сведенные в неволю горемыки
Свободу узнают.
Весна вдыхает
В угасшие сердца огонь надежды.
И, повинувшись пламени живому,
В такие дни отчаянные души
Идут в бега.
Острее смотрит "вохра".
Дабы унять весеннее безумье,
Охрана воспитательные действия
Организует из живых картин
По поговорке:
"Лучше раз увидеть..."
Одно из них —
Всегда перед глазами.
... Ледок сковал проталины.
На зоне
На водруженных рядом, на попá,
Вошочих бочках от гнилой селетки,
На две доски замызганные брошен
Очищенный от внутренностей труп.
Вернесс, торс без головы и ног
Уложен навзничь,

Словно на колоду —
Обрубок туши.
На груди обрубка
Талантливо исполненный рисунок,
Наколка синим: стяг, а посреди —
Вождь благодушный
С трубкою во рту
Прищурился, обласканный народом.
По краю пропись от плеча до локтя
Струится:
"Не забуду мать родную!"
Через плечо свисает пояснение:
Какой-то бедолага из КБ
На ватмане,
На белоснежной ленте
Багровой тупью
Начертал "КОРОВА".
А рядышком — хозяйка "припаса",
Прозябшие,
Без шапок,
Без рубах,
Вдвоём на грязной наледни,
Босые,
Стоят тихонько, глядя отрешенно,
И важные без пуговиц штаны
Поддерживают, чтобы не упали.
У каждого на шее, на веревке
Плакат-фанерка с твердым назиданием:
"Не бегай!
Мы пытались.
Бесполезно".
Охранник, озорной румяный парень,
Томясь, как все,
От скуки, для потехи
Затеял их покальвать штыком
И лыбится: "Не простудитесь, детки".
Заботится: "Не простудитесь, детки".

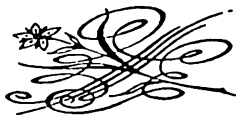
Покалывает и незлю хохочет.
И, улыбаясь, оба людоеда
На черном ошльивающем снегу,
Покорные приказу, неукложе,
Ступни приподымая по-медвежьи,
Качаются под гогот конвоира,
Смущенные...
У проводимых мимо,
Когда ведут в колонне по четыре,
И конвоир орет:
"Глядеть палево!",
Болят глаза от этого урока...

Однажды, в сорок третьем,
Под Полтавой
Над ротами измоташой пехоты,
Бредущей по дороге в адский август,
Звучал приказ: "Равнение палево!"
Тогда враги, готовя отступление,
Соппали и забили в двух сараях
Семьсот безвинных —
Раненых и пленных —
И заживо сожгли в тяжелых срубах...
Мы шли, держа равнение палево.
Над пенелищем запах разложенья
Витал.
И псев
Крепил слова приказа...

А вот теперь — Норильск.
Весна. И зона.
Идут зeka в колонне по четыре.
"Глядеть палево!" — лают конвоиры.
И от свиреной музыки команд
Заходятся взбешенные овчарки!
И рвутся с поводков, испещелив
Двух грешников кровавыми зрачками.

Бывает, из колонны кто-то молча
Кивнет легонько, глядя на страдальцев,
А кто не с краю, одобряя, криклет:
"Ну четвертак — ведь больше не дадут!"
И сразу лай собак и конвоиров
И клацанье затворов...
Дождь-крупя
Осыпал "режиссеров" и "подмости"
И сеется из мутного пространства.
Невольники в колонне по четыре
Ступают тихо. И витает шепот
Мечтательный,
Мол, кто-то с воли слышал:
Амнистия...
А это — слаще пайки.

* * *

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог.
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменяла,
Шепнув: "Спаси тебя господь!"

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: "Бабушка родная!"
Хотелось петь, кричать "ура!",
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

* * *

Недугом выпит, став бескровной тенью,
Больной чуть шепчет языком сухим:

“Мне завтра будет лучше...” —

подтвержденья

Ища у нас, склонившихся над ним.

О жизнь!.. Не в этом ли твое величье,
Что человек, уже полуживой,
Свое земное потеряв обличье,
Все хочет жить, все ловит голос твой?!

Скончался мой друг

Скончался мой друг. Но лишь тело
Исчезло, как рябь на воде,
Лишь куртка его опустела,
Обвиснув на ржавом гвозде.

Лишь речи затихли, хоть мало
Тревожили воздух они.
Земля же просторнее стала
Всего только на две ступни.

Но как велико его место
Во мне! Это знаю лишь я.
Как сердцу безвыходно тесно,
Как сдавлена память моя!

Солнце в Заполярье

Как-то в обеденный перерыв
Мир изменился вдруг.
"Солнце! Солнце!" — дверь отворив,
Мне закричал мой друг.

А телефон, что дремал в тишине,
Вдруг пробудился от сна.
"Солнце восходит!" — кричала мне
По телефону жена.

Бросив дела, восклицая: "Скорей!",
По коридору толпой
Люди бежали к просвету дверей,
Звали друзей за собой.

Снег веселел, занимался, искрясь;
Быстро светлели дворы.
Солнце всходило не торопясь
Из-за вершины горы.

Словно малиновый месяц, огнем
Тучи раскрашивало.
Как без него мы во мраке живем,
Будто спрашивало.

Вечное счастье для всех и всего,
Данное всем и всему,—
Как я три месяца жил без него,
Право, и сам не пойму.

Солнце! Ты видишь? Мы вытерпели
Долгую, долгую тьму...
Солнце!.. И, словно на митинге, мы
Рукоплескали ему.

Норильск, Норильск ...

Те дни, когда я был здоров и молод,
Ты отнял у меня, унес, унес,
Норильск, Норильск — неповторимый город,
Меня во сне сжигает твой мороз,
И до сих пор огнем былых обид
Меня сиянье Севера слепит.

Тебя, где слиты молодость и стужа,
Люблю,— но как люблю?.. Я знал семью,
Где не было любви жены и мужа,
Но оба обожали дочь свою...
Норильск, Норильск, скажи мне, почему
Навек ты дорог сердцу моему!

Цветы Норильска

В Норильске, где холод и выюга,
В снегах заполярной земли,
Красавицы нежные юга
На тонких стеблях расцвели,—
И вешнее чудо все длится
В Норильске, в стеклянной теплице...

Устав от работы недельной,
Норильцы в свой Крым самодельный
Приходят и дышат весною...
Особо она дорога,
Когда за прозрачной стеною
Беснуется, свищет пурга.

* * *

Там, где, водные сдвигая глыбы,
Исполнские резвятся рыбы,
Ощущая счастье бытия,—
Там рыбешки мелкие в смятенье
Мечутся, бегут, ища спасенья,
Только горе смерти обрета!

Зов родного края

Скакуи, шленившій взгляд и душу,
Копытом роющій песок,
И неожиданно подувшій
Весенній, тепльїи ветерок,
И звезды, что в степи небесной
Пасутся, как стада овец,
И песня девушки прелестной,
И с книгой худенькїи юнец,
И облаков ленивых глыбы,
И тещи прошлого во сне
Напоминают, где б я ни был,
Мне о родимой стороне.
И, солнце взглядом провожая
За кромку черную лесов,
Я слышу зов родного края,
Могучїи, беспредельнїи зов.

* * *

Приму ли ошибку за истину,—
Ну что ж! Свое заблуждение
Сейчас же исправить готов.

Беда ли нагрянет нежданная,
Я зубы сожму — и без жалобы,
Без стога готов умереть.

От двух только бед унеси меня,
От двух наказаний спаси меня,
От двух только, мать моя, Жизнь!

В минуты, для родины трудные,
Минуи меня труса название,
Бегущего зайцем в кусты.

Минуи меня звание черное
Безвишних губившего некогда
Презренного клеветника.

**ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ,
НАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

*Посвящены жене моей —
Алле Григорьевне Култышовой*

* * *

Нет, нет! Я вовсе не жалю
Покой безрадостной тиши,
В опале грустно тяжелея
Безмолвно страждущей души.

В потоке дней чужих, шумливых
Скажу я честно, не тая,
Незванно, робко и стыдливо,
Как будто жил и не жил я.

Но в дреме тягостной, бесстрастной,
Свернувшись в яростный комок,
Вольна, нелжива и всевластна,
Любовь сыскала уголок.

Чужда насилья и притворства,
Она, прекрасна и светла,
С присущим только ей упорством,
Томясь, тебя одну ждала.

Так под корою земли морозной
Весенний цвет в былинках спит,
Но день грядет, и сказкой звездной,
Встряхнув, он душу оживит.

* * *

Гармонию мелодий без звучаний,
Неведомых стихов приветный шум,
Я в тихий край страны своих мечтаний,
Как дар от вас, с собою приношу.

И тихий край, увенчанный цветами,
Который раньше грустно сиротел,
В лучистых звуках, полных только вами,
Во мне, ликуя, радостно запел.

И я забыл про все, про все на свете,
Мне стала жизнь желанна и легка.
Как будто так я много жил столетий
И буду жить я так еще века.

* * *

Улыбкой ласковой привет
Зачем вы часто мне дарите?
Велит ли так вам этикет
Иль песни чувствует нантье?

О, если б мог я чуть раскрыть
Мечтаний ваших ход незримый,
Постичь значение той тоски,
Что взгляд метнет как будто мимо;

Уверен если б был я в том,
Что вами буду не покинут,
Когда несдержанным огнем,
Горя, слова нежданно хлынут,

Тогда бы все я вам сказал.
"Люблю!" — сказал бы я тревожно...
...Мечте я пытке волю дал,
И невозможное — возможно.

На день рождения

Когда в ликующем апреле
Тебя для жизни мир позвал,—
К нам птицы с юга прилетели,
Зеленый шум в лучах играл.

Тогда все юностью дышало,
Дни были будущим полны.
Ты солнце в кровь свою вбирала
По праву дочери весны.

Чтобы потом, сквозь четверть века,
Его с собою принести
В суровой краіи ночи и снега
И тем любовь мою спасти.

Счастье и горе

Когда как вестник торжества и славы
Ко мне пришел бы старец белоглавый,
Калмышской старой сказки чародей,
И подарил мне счастье всех людей,
Я б это счастье разделил на части,
Всем людям поровну я б роздал счастье.

Но если б он собрал в один комок
Все, что печально на земном просторе,
Чтоб в сердце у себя вместить я мог
Все наше человеческое горе,
Я б горе вместе с сердцем сжег дотла,
Чтоб сделалась Вселенная светла!

Чингис

Перешагнув жестокости предел,
Решил Чингис украсить обциї жребий:
Он улыбаться подданным велел
Весь день, пока сияет солнце в небе.
А кто дерзнет на жалобы и плач,
Тому отрубит голову палач.

И улыбался весь Чингисов край,
И деспот убеждал молву мирскую,
Что создал в ханстве образцовый рай...
А люди ждали сумерек, тоскуя,
Чтоб в степь уйти, ничком в траву упасть
И в одиночку выплакаться власть.

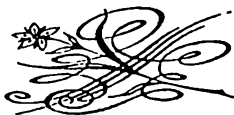

Поют бездетные вдовы войны

Лишь давнюю песню
Затянут среди тишины
Старухи —
Бездетные вдовы
Минувшей войны,
Лишь "Двадцать второго июня..."
Затянут они,
Рассеются звуки —
Останутся слезы одни.

Затмят мирозданье.
Зажмурится небо в золе.
И эхо рыданья
Пойдет кочевать по земле.

Очищение

Вот, вот оно — о чем так много лет
Я тосковал!.. Самой судьбы расписка...
Отстукала бесстрастно машинистка
Здесь на бумаге: "Не виновен... Нет".

"Нет, не виновен!" ...И громада зла,
Подобная неизлечимой боли,
К которой притерпелся поневоле,
Вдруг поддалась, подтаяла, сползла
С души, хоть к ней, казалось, приросла...

Душа моя!.. Исполнились мечты,
Всё, всё, во что ты верить не устала...
Ужели не обрадуешься ты,
Как радоваться нам теперь пристало?!

Гляди: явилась праздничная весть!..
Что делать, если юная невеста
В пути успела захиреть, отцвесть,
Состарилась, пока дошла до места?..

Пускай она в морщинах, как земля,
И, съёжившись, бормочет что-то глухо,
Запавшими губами шевеля,
Всё ж улыбнуться силится старуха...

Но где же зубы — звезды-жемчуга?
Увы!.. Давно сгубила их цинга!
Подернутые сизевой и гарью,
Они, как звёзды чёрные, в снега
Скатились... Поглотила их пурга,
Пожрал огонь холодный Заполярья...

И потому я не пускаюсь в шляс
И шапкой оземь не хлещу в кураже,
Как те, кому амнистия сеічас
Так неожиданно простила кражи...

И потому, хоть благодарен я,
Но радость эта стоит мне усилий...
Припомнилась мне молодость моя.
Все десять лет... И вы, мои друзья,
Дождавшися правды лишь в могиле...

* * *

Мне нынче друг во сне явился снова,—
Он тронул сердце и ушел назад.
Ушел... Но струны времени бывшего
Проснулись и почти уже звучат.

Я руку к сердцу приложил, подумал,
Кто там стучит? Не ты ли, песнь моя,
Рождаясь в мир,

еще некрепким

КЛЮВОМ

Стучишь из скорлупы небытия?

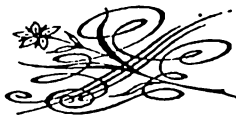

Прошлое

Не думай, что минувшие года,
Что прошлое уходит навсегда,
Что постепенно заживает рана.
Вчера я плакал и кричал во сне,
Жена склонилась, задрожав, ко мне
И разбудила утром рано.

Подушка вся была от слез мокра.
Минувшее приснилось мне вчера.
Проснулся я,— глаза жены светились.
И зеркало сияло и окно,
А в сердце — то, что отогнуло давно,
И слезы по лицу катились.

Слезы

Когда бы слезы тех собрать,
Кто потерял отца и мать,
Все слезы матерей, отцов,
Утративших своих сынов,
Когда бы слить в один сосуд
Все слезы тех, что тщетно ждут,—
Какой сосуд ни выбирай,
Все перельется через край!

От волеи женщины и сирог
Померк бы дальний небосвод
И Солнце бросилось бы прочь,
Навек сокрылось бы во мгле,
Уже не в силах превозмочь
Презренье пневного к Земле!

О, если б будущим векам
Не слышать то, что слышать нам,
Что нам увидеть довелось:
Воиною порожденных слез!

* * *

Как бы ни было тягостно горе,
Как бы душу оно ни дупило,
Человек соберет свои силы
И над ним, наступая и споря,
Верх одержит позднее иль ранее:
Ведь страдалец — сильнее страдания.

Но сильнее его и смелее
Тот, кто страдает, другого жалея:
Силе зла он наносит удар...
Из созданий, живущих под небом,
Только нам, только людям, он введом —
Сострадания божественный дар.

Боль

Кольнув нежданно изнутри
И затемнив благополучье,
Предупреждает боль: "Смотри!"
И, как дозорный самый лучший,
Тревогу бьет, гремит в набат,
И вот — покой убит, разъят,

Мобилизует сил запас
И чувства стыщущие будит...
Нет, если боль отнять у нас,
Добра от этого не будет!
Ведь я живу, покуда чую
И боль свою, и боль чужую.

* * *

Когда творить добро желаешь ты
Отдельным людям иль всему народу,
Не отступайся от своей мечты,
Не делай ничего себе в угоду.
Крепи свое желание и следы,
Чтобы огонь пылал в твоей груди.

И чтоб священнейший пламень не погас,
Чтоб мог еще сильнее разгореться,
Живые клетки отрывай от сердца
И, кровью истекая, всякий раз
Бросай тотчас в огонь рукой своей,
Все претерпи и боль преодолеи.

И сердце, убывая с каждым днем,
Истает... Но последняя частица,
Как вся душа твоя, воспламенится
И осияет мир твоим огнем.
И свет, зажженный именем твоим,
Останется в веках неугасим.

* * *

Когда бы все свои советы:
"Не делай то", "Не делай это" —
Все то, что в разных пунктах света

Другим внушасм мы часами
(В статьях, в беседах ли с друзьями),
Осуществили бы мы сами,

Когда бы, зная, что мы — слабы,
Мы сами сгладили ухабы,
Нам помешавшие,—
тогда бы

Все отклоненья, все огрехи,
Все нарушенья, все прорехи,
Как снег исчезли прошлогодний,

И мы бы полетели смело
В Грядущее через пределы
Несовершенного Сегодня.

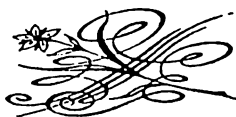

Руки труженицы

Всю жизнь работала, но старость и усталость
Пришли и привели последний, смертный час.
В больнице с близкими она теперь прощалась.
Затем, как бы внезапно огорчась,
С улыбкой страшною — с улыбкою разлуки —
Взглянула на свои потруженные руки.

“Прощайте, рученьки, пора вам на покой,
Как вы, проворные, работали, бывало,
А сколько радости я из-за вас знавала!” —
Сказала старая с волнением и тоской...
А руки, двигаться привыкшие, лежали,
Как камни белые, на темном одеяле.

Золото матери

(Быль)

*Памяти мамы,
Кугультиновой Анны Александровны,
посвящаю*

Были лютьиі голод. Шла война,
Разор и гибель щедро сея.
А в городке у Енисея
На рынок скудныйиі шла она,
Калмычка ссыльная, старушка
Из дальних прикаспийских мест.
"За что ей выпал тяжкийиі крест
Скитаться, будто побирuшка?
За что ей мстят? За чью вину?
Неужто в том она повинна,
Что три ее кровипки-сына
Ломают третийиі год войны?!"
Не первыйиі день, не первыйиі год
Ее терзает эта рана.
Вся жизнь ее лишь в том, что ждет
Манджи, Басанга и Сарана.
Дожить бы только, чтоб сыны
Вернулись целыми с войны.

Базар. Людскойиі перевозныйиі гуд
В шилошном махорочном тумаше.
Но что купить ей можно тут
С ее десяткою в кармане,
Когда и сотни ее в чести.
Торговли нет, есть только мшны.
Что для обмена ей нести?
Своейиі слепойиі каморки стены,
В которой даже нет окна,
Где лишь топчан, точнее — пары?

В раздумье тягостном она
Идет по улице с базара.

И вдруг в пыли, у самых ног,
Средь грязных вымоин и кочек,
Она увидела платочек,
Что был завязан в узелок.

С трудом нагнувшись, узелок
Она взяла и развязала.
Увидев, что таил платок,
Она взволнованно сказала:
"О, маапи! И вдалеке
Я для бурхашов не чужая!"
Лежал, искрясь, в ее руке,
Лучи светила отражая,—
Солнцеподобный золотой
С чеканным ликом Николая,
Опьем нежгущимся пылая,
Червонец!

Спрятав дар святой,
Старуха к дому заспешила,
И даже голод вмиг исчез.
"Я перебыюсь!— она решила.—
Но этот щедрый дар небес
Не трону ни за что на свете
(Хоть ныне нет ему цены!),
Пока не возвратятся дети,
Мои любимые сыны!
Тогда продам, и всем хотоном
Устроим пиршество в их честь..."

А в это время почтальоном
Принесена старушке весть
О том, что больше нет Сарана,
Что он геройски пал в бою,
Не посрамив страну свою.

Заняло сердце, будто рана,
Но боль утихла она,
К беде привыкшая калмычка —
О, эта страшная привычка!
"Я пылче плачу не одна,
Сегодня плачет полстраны —
По сыновьям, мужьям и братьям,
Невозвратившимся с войны.
Нет меры горю и проклятьям".

* * *

Забвенья нет такой беде!
Лекарства нет от этой боли!
Она искала их в труде:
Набив кровавые мозоли,
Копала с зорьки дотемна
В совхозе с бабами картошку.
И отходила понемножку,
Лишь гуще стала седина.
Недолгим оказался срок
Душевной этой передышки.
Опять к ней в дом явился Рок,
На этот раз в лице мальчишки,
Который ей письмо принес,
Листок стандартный был в конверте.

Гласил он о героической смерти:
Погиб Басаг...
Навзрыд без слез
Мать заметалась над бумагой —
Глаза на миг затмила тьма,—
Не оросив священной влагой
Листок казенного письма.
Судьба дала здоровья впрок,
Росла она в степи недаром!
Но все ж сумел проклятый Рок
Свалить ее вторым ударом.
"Всю жизнь растила я сынов —

Двоих не стало в две недели!
И вот сама лежу в постели
Средь горькой яви, страшных снов.
А где-то мой сынок Манджи...
О небо! В чем я виновата?
О Справедливый! Подскажи,
За что жестокая расплата
Со мной?

За что — паюмни мне
Мои грехи в большом и малом!..”

На шатком лежа топчане
Под старым ветхим одеялом,
Старушка-мать шептала вслух,
Ища грехи, ища ответа.
И память подсказала вдруг:
”Монета! Грешная монета!
Чужой червонец золотой!

И ты была находке рада,
Решив, что это дар святой,
А это — чья-нибудь утрата,
Лишившая кого-то сна,
Лишив спасительного хлеба.
Да, велика моя вина,

Но сыновья при чем? О небо!

Но нет, ответ не там ищут.
Беда мне разум погасила —
И я на небо клеветцу:
За зло карает злая сила!
Скорее встань! Недуг отбрось,
Пока Манджи не сжит со света,
Покуда Зло не добралось
К нему,

проклятая монета
Должна исчезнуть навсегда,
Чтоб искушением не стала”.

Не сразу и не без труда
Большая мать с постели встала
И, взяв заклятыи узелок,
Пошла, на посох опираясь,
Идти скорей-скорей стараясь,
Как будто ей намечен срок
Спасти единственного сына.
Срок роковой, отсрочки нет:
"За то, в чем только мать повинна,
Манджи покинет белый свет!"
Всеи силой, верой, волей всею,
Чтоб сына не отдать врагу,
Она стремилась к Енисею.
И вот она на берегу.
Развязан узелок.

И вот —
Червонец стигнул в бездне вод.

* * *

Хороший человек не раз
Обманут Злом, к Добру стремясь.
Добро немного простовато,
А Зло коварно и хитро,
И часто видит в нем собрата
Прекраснодушное Добро.

Когда бы стало Зло честней
И маски бы не надевало,
Когда б Добро мудрее стало,
Порвав с наивностью своей,
Жилось куда бы легче люду,
Царил бы мир у нас повсюду.

* * *

Сыграет умный
Роль глупца
Уверенно и до конца.

Но мудрого,
Пусть и грубей,
Глупец — не сможет, хоть убей!

* * *

Когда лютует злой мороз
С метелицей-сестрою,
Считаем пору летних гроз
Чудесною порою.

Когда томит июльскій зной
И от жары чуть дышим,
Январь с пургою ледяной
Прельщает счастьем выспим.

А уопительные дни —
Меж холодом и жаром —
Проходят мимо нас они,
Мы их теряем даром...

Ценить лишь то, что не дано,
Нам суждено рожденьем
И роком определено:
"Что есть, того не ценим".

* * *

Если сильному по вкусу чья-то слава —
Грош цена подобной славе, право!
Если ж сильным эта слава — не по праву,
То она заслужена по праву.

* * *

Кайсыну Кулиеву

Приснились джунгли пьнче мне во сне.
Кругом визжала обезьянья стая...
Раздобрьсь, хвост они давали мне,
Чтоб лезть в верхй, при случае петляя...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

Свирепых львов увидел я во сне,
Развеселило их мое обличье!..
И дать клыки они решили мне —
Чтоб слабых бить и жадно рвать добычу...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

Достоинство мужчины

Почувствовав, что смерть приходит, старый дед
Сказал собравшимся последний свой завет:
"Не надо ссориться, чтоб не познать кручины,
А счастье поровну делите меж собой.
Служите родине, что вам дана судьбой,—
И сохраните вы достоинство мужчины".

Потом сказал: "Меня оставьте вы теперь!"
И властной рукой он указал на дверь.
Все стали выходить, на трудные морщины
И желтое лицо взглянув в последний раз.
Так, слабость скрыв свою от близких в смертный час,
Он умер, сохранив достоинство мужчины.

* * *

Безрукій, под хмельком, тайком от поstopового,
Показывает всем рубцы своей культуры.
Прохожие спешат, но можно ли пройти,
Ничем не одарив просителя такого?
И обладателю единственной руки
Они, смутясь, в берет бросают медяки.

Веселый человек, он просит об участъе
Совсем не из нужды: он каждому сует
Монету мелкую беды, он раздает,
Как медяки, свое военное песчастье,
А собирает он у всех по медяку:
Людскую боль, и стыд, и совесть, и тоску.

* * *

Бейте, люди, пестрых волков!
В дни, когда опустели хотоны,
О хозяевах нестугленно
Вьли псы калмыцкой земли,
Одичали, в степи ушли...

Бейте, люди, пестрых волков!

Не боятся огня и слова
И не тернят духа людского
Почитавшие нас, как богов,
Твари, одичавшие слова,
Порождения времени злого...

Бейте, люди, пестрых волков!

* * *

Случалось мне старцев-калмыков
Не раз и не два изучать,
Но тщетно на бронзе их ликов
Искал я бывшего печать.

Ничто не пробилось наружу,
Молчат письмена их морщин...
Что видели — спрятали в душу
С достоинством истых мужчин.

Сквозь муки, сквозь голод и жажду
Прошли и не кляли судьбы.
В сражениях были отважны,
Не зная пустой похвальбы.

Награды свои и невзгоды
Они принимали равно.
Характер степного народа
Надежно хранить им дано.

* * *

Благодари верблюда и коня!
Копни машины след... Что там под ним сокрыто?
Увидишь след подковы и копыта...
Верблюдом и конем сквозь тьму веков пробиты
Пути к работам нынешнего дня...
Благодари верблюда и коня!

Возраст

Там, где в степи курган глядит сурово,
Спросил я у сказителя седого:
"Вы много ль на земле живете лет?"
"Я твой ровесник", — он сказал в ответ.
Затем добавил, как бы в поясненье,
Прочтя в моих глазах недоуменье:

"Да, возраст человеческий измерьте,
Узнав не год рождения, а смерти.
Кто жив — ровесник тот всего живого.
А мертвый? Мертвый — самый молодой!"
Почудилось, что молвил это слово
Не старец, а курган в степи седой.

* * *

Ты красив и правдой обуян,
Не кори собрата за изъян,
Коли это людям не во зло.
Что тут говорить, не повезло.
Будто не заметил, сделай вид.
У него и так душа болит.

* * *

Жизни мира, длящейся века,
Жадною душою не завидуи!
То, что жизнь людская коротка,
Не считай ошибкой и обидой.
О ничтожном сроке говоря,
Не терзай себя, не мучься зря!

Чтоб увидеть мира мудрый лик,
Этот срок достаточно велик.
Чтоб свершить свое предназначенье
И служить Добру,

нам всем дана

Вечность.

Если вдуматься, она —
Беспредельно долгое мгновенье.

* * *

В поблекшем парке городском,
Где пахнет пылью и горючим,
Журчит целебным родником,
Будя мечту о самом лучшем
Волшебной музыкой своей,
Неутомимый соловей.

Будь благодарен соловью!
Не розы вокруг него, не травы.
Творит он музыку свою
Из горькой городской отравы
И шлет тебе поток рулад,
Внутри себя оставив яд.

* * *

На ветке гусеница вверх
Ползет по дремлющей осинке.
Одето тело будто в мех,
Блестят колючие ворсинки.
Слежу внимательно за ней,
Среди листвы ползущей вяло.
Но вот листок позеленей
Она, видать, облюбовала —
Вползла на лист и замерла,
Иль умерла на самом деле?
Лишь шевелится ворс на теле
В дыханье летнего тепла.
Смотрю в раздумье: почему
Природа или Мирозданье
Творили гадкое созданье,
Тварь, что — ни сердцу, ни уму?
Но лишь подумал: на вопрос
Ответ я вряд ли обнаружу,
Как разорвался колкий ворс
И вышла бабочка наружу.
Таких оттенков и цветов,
Представших взору дерзновенно,
Не знал — поклясться я готов —
И таитянский цикл Гогена!
Над шубкой рваною привстав,
Наряд поправив драгоценный,
Солисткой юною над сценой,
Как руки, крылья распахнул,
Она готовилась взлететь
В премьере жизни, в новой роли...
И я подумал поневоле:
Останкам гусеницы тлеть,

Но то ли это смерть была
Иль жизни новое начало?
Быть может, это означало,
Что смерть всех сущих лишь тела

Берет, меняя их обличье,
Облагораживая их,
Чтоб, крылья распластав по-птичьи,
Их в жизнь вернуть в какой-то миг!

* * *

''Молчанье — золото...'' Молва
Нам донесла из дальней дали
Сверхосторожные слова...
Иль смысл пословицы таков,
Что золотом во тьме веков
Порой молчанье покупали?..

''Молчанье — золото...'' Не так!
Молчанье — ложь! Молчанье — враг!
Молчать о видешном не смеите!..
Ломая немоты печать,
Суровый голос
из бессмертья
Взывает: ''Не могу молчать!''

* * *

День-деньской кня в житейской гуще,
Больно ушибаясь на пути,
Недостатки те, что нам присущи,
Испытали все... Иль — все почти...

Видят все. Они любому зримы —
Затрудняющие путь людской.
Знают все... И все проходят мимо,
Ограждая собственнй покой.

Будто бы другое есть сословье —
Те — "другие", те — "со стороны"...
Вот они-то, не щадя здоровья,
Жизнь усовершенствовать должны.

С тех — других, мол, взыскивайте строго!..
...Люди, люди!.. Нам понять пора:
Не придет никто нам на подмогу,
Чтоб ускорить торжество добра.

* * *

*Памяти
Анны Андреевны Ахматовой*

Я знаю: вечного на свете нет,
Тому свидетель — опыт прошлых лет...
И все же видеть мертвые черты
Прекрасного — так больно, так тоскливо!
Так страшно
 возле гроба красоты
Вновь убеждаться, что уродство живо.

Я знаю, что уродство в свой черед
Умрет, исчезнет, навсегда уйдет.
Но красоту, что, музыкой дыша,
Нас ввысь влекла
 и вот смежила веки,
Ту красоту не воскресить вовек!..
И плачет безутешная душа...

Когда оживает слово

Хлопоча вокруг трудного больного,
Побывавшего в глухой ночи,
Силу жить ему даруя снова,
Сделали открытие врачи:

Если стал активным "сектор речи" —
Та частица мозга, что хранит
Слово — первый признак человечий,
Слово — наш оплот и верный щит,

Если замерцает на экране
Световая зыбкая волна,
По числу, по ритму колебаний
Врач поймет, что смерть побеждена.

Мрак ее лишь вдалеке маячит,
Отменен пока его устав...
Волны засветились — это значит,
Оживает слово, смерть поправ.

Вскоре до мельчайшего изгиба
Клетки мозга переполнит свет...
Человек вернулся к жизни, ибо
Там, где живо слово, — смерти нет!

* * *

Мать-Родина!

Как матери пристало,
Средь всех твоих любимых сыновей
Найди несчастного. И обогрей
Того, кого судьба не баловала.

Прости бедняге грех его невольный,
Будь с ним по-матерински сердобольшой,
В душе его надежды оживи...
Да расцветет в ней вновь цветок любви!

* * *

Чтоб в небесную снть по весне
Стебельком он стремился зеленым,
Я поставил цветок на окне,
Я наполнил горшок черноземом...

Но совсем не в назначенный срок,
Средь зимы — почему неизвестно —
Он расцвел, мой весенний цветок,
Воссияв белизной, как певичка.

То ль щедрa оказалась земля,
То ли так ему жить захотелось,
Но расцвел он...

Стоит он, моля
О прощенье за раннюю зрелость.

Он как будто робеет, лучу
Подставляя свою светозарность...
И волнуясь, ему я шепчу,
Бормочу я цветку благодарность:

— Не смущайся! Отважней живи!
Средь зимы посылай мне отраду!
Верь, дружок, красоте, как любви,
Никаких оправданий не надо!

Слух Бетховена

Глухим зовут Бетховена глухие
За то, что будто он утратил слух.
Но

высшим слухом

окрысенный дух,

В себя вбирая чувств людских стихии,
Добра и счастья расширял пределы,
Чтоб сердце человека молодело.

Когда ж душа бесчувственно глуха
К любви, к страданью, к музыке стиха
И пусто в ней, как в высохшем колодеце,—
Скажи, не это ль глухотой зовется?..

Мы, люди, были бы с богами вровень,
Когда б владели слухом, как Бетховен.

* * *

Высокий Гёте
С бронзовым челом.
Высокой мысли
Бронзовый излом.
Когда в рассветном сквере —
Никого,
Спешу кивнуть,
Приветствуя его.
И что ни встреча,
Различаю я:
Две силы рвут
Дремоту бытия,
Две воли ждут,
Вселяя свет и страх,
Как Бухенвальд и Веймар —
В двух шагах.

Зимою лютой

Когтями ветер землю рвал,
Возжаждав мести.
Кружился пыли черный шквал
Со снегом вместе.

Стал ночью день в метельной мгле
Зимою лютой.
Метались звери по земле,
Ища приюта.

Скотину человек сберег:
Загнал в жилище
И сено — трав сгущенный сок —
Давал ей в пищу.

Но беззащитный зверь степной
Познал все беды,
Едва не стигнув той зимой
От недоса.

Втянув бока, измучен, хил,
По степи черной
Бродил сайгак, что раньше был
Ветров проворней.

Пусты болота и черны,
Звенят в ложбине,
Кропят их кровью кабаны,
Ломая бивни...

На степи человек взглянул,
Постиг их муку.
И младшим братьям протянул
Спасенья руку.

И ощутил, дивясь, сайгак
Дыхашье сена
И кшнулся к нему сквозь мрак,
Ожив мгновенцо.

Кабац, в суровом том году
С борзою схожий,—
С небес летевшую еду
Почуял тоже.

Стальная птица принесла
Зверью пощаду...
Порой, чтоб жизнь спасти от зла,—
Немного надо.

Поможет друг,— уйдут беда
И дни лишне...
Сильней людская доброта
Любой стихии.

* * *

Ушла зима. Достигнув торжества,
Весна опять земле явила милость.
И степь, тучнея, травами покрылась.
Она жива, по-прежнему жива!

И травы слиты с яркой синевою,
И я вдыхаю дня великолепье.
Моя душа легко парит над степью —
Я здесь рожден. Я здесь навеки свой.

И мнится мне: как небо, как трава,
Судьбою приобщен к земному чуду,
Всегда, во всем существовать я буду,
Была бы только степь моя жива.

Была бы только степь моя жива!

* * *

Ежевечерне в ясной вышине,
На летнем неоглядном небосводе,
Начертаны пунктиром золотым
Загадочные истины Вселенной.
Сравнив с увеличительным стеклом
Прозрачный воздух, сызнова пытаюсь
Постигнуть, разглядеть, расшифровать
Послания неизвестных просторов.

Неповторима каждая звезда,
Как литера, как символ, как примета,
Что гения рукой нанесена
На темно-синий свиток мирозданья.
Я тщу осмыслить этот алфавит,
Сложить его в разгаданные строки,
Зовущие бессонно и призывно,
Влекущие и зрение, и слух.

И вот — о чудо! — распахнулись в небе
Сияющие мудрые стихи!
Они без слов, посредством красоты,
Пленяя, изумляя, будоража,
Передают мне сокровенный смысл
Своих созвучий. Наполняют светом
Мои раздумья, душу возвышают
Торжественною музыкой своей.

Сегодняшние чаяния людские
Соединяя с прошлым и грядущим,
Стирая грань меж небьюлю и бьюлю,
Они опять, как золотой туман,
Во мне, в моей крови. Я становлюсь
Мельчайшей искрой, буквой Вселенной,
Звучащей нотой, световым сигналом,
Частицей бесконечного пространства.

Я, потрясенный, ощущаю вечность,
Я от нее неотделим.
Мне кажется, когда меня не станет,
Чуть потускнеет солнечный огонь,
Одна звезда падет с ночного неба.

Сказка

Ты спрашиваешь, как рождается сказка,
Где начинается, в краях каких?...
Что ж, помолчи!.. Закрой глаза на миг.
И облака — их форму, их окраску —
В уме своем отчетливо представь,
Приблизь к твоей мечте неугомонной...

Теперь открой глаза! И, удивленный,
Мечту увидишь пред собою въявь.

Не правда ль, — в вышине голубоватой
Не облаков зубчатая гряда,
А город, снившийся тебе когда-то
Ясней, чем все другие города?..

И там, в теши причудливого зданья,
Стоит она, чей облик так знаком.
Она грустит и ждет с тобой свиданья,
Зовет, поет волшебным голоском...

Скорее к ней!.. Предайся безрассудству!
Нет, нет, постой!.. Чтоб не растаял миф,
Сначала мудро научись искусству —
Поверить в сказку, сказку сотворив!

Запахи весны

Сегодня, услаждая чувства
Дыханьем теплым ветерка,
Я думал о путях искусства
И фантазировал слегка.

Обогащающее души
Искусство окрыляет нас,
Лаская музыкаю уши,
Чаруя живописью глаз.

Но есть еще одна дорога,
Искусство есть еще одно...
Пока его не судят строго.
Ему название не дано...

И все ж подчас
вспоминанье
Встает пред нами во плоти
Лишь потому, что обонянье
Нам помогло его найти.

Подчас среди запахов бензина
Повест ветерком степным,
И милые всплывут картины...
Мы радуемся. Мы грустим.

Бывают запахи, в которых
О близком счастье скрыта весть.
Все пахнет: пыль, песок и порох,
У неба тоже запах есть.

И, может быть, явился кто-то,
О ком вот-вот узнает мир.
Кто запахам придумал ноты
И написал по ним клавир.

И может, я о нем услышу,
Прочтя на выступе стены
Необычайную афишу:
"Концерт из запахов весны".

* * *

Когда весна — медлительно, не сразу —
Нагреет землю и войдет в зешит
И, ароматом полный до отказу,
Над многоцветьем воздух зазвешит,

Я ухожу один в степные дали,
Бездумно опускаюсь на траву
И — это мыслью назовешь едва ли —
В тени кургана грежу наяву...

А надо мною в синеве бесплотной
На ниточке весеннего луча
Трепещет жаворонок беззаботный,
Как колокольчик радости звуча.

Тогда душа — светла и невесома.
Весь мир во мне. И в мире я — как дома.

Трава амуланга

Разбирая сплетенные травы,
Все нищу между ними одну,
О которой с улыбкой лукавой
Мне рассказывал дед в старину.

— Отыскавший траву амулангу
Постигает природы язык.
Прищипайся за труд спозаранку,—
Поучал меня добрый старик.

— Тот, кто полон терпенья и жажды,
Может эту травинку найти,
Но нигде не растет она дважды:
Проторенного нет к ней пути.

Наделешная силою чудной,
Неприметна она, не ярка,
Потому и сыскать ее трудно...—
Тут старик улыбнулся слегка.

...Знаю: дедов рассказ — небылица.
Но нищу с той поры все равно
Амулангу, в которой тантся
Суть искусства и жизни зерно.

Рыбак

„День кормит год” — присловье рыбака,
В нем опыт жизни собран воедино.
...Свежей подуло с Каспия... Близка,
Вот-вот начнется жданная путина...

И у него уж — наготове снасть...
И лодка рвется к морю от причала,
А в сердце — та же молодая страсть,
Она с годами выдержкою стала.

Седобородый Каспий — не бахвал,
Умело прячет он свой клад бессчетный.
Сокровищ сроду он не расточал
Пред тем, кто для него — лишь гость залетный.

Спокойный труженик ему сродни
С руками ловкими, с душою мудрой,
Такой, как многоопытный Ордин,
Которого я видел нынче утром.

Качалась лодка на волне крутой,
И побережье с нею — в край из края,
А он стоял на месте, как влитой,
Ячейки пельда перебирая.

Выпутьывал он рыбу из сети
Рукою посиневшею, костлявой,
Бросая за борт мелочь:
— Подрасти!
Покуда поживи еще! Поплавай!

Так поздним вечером и поутру,
В часы прибоя и в часы отлива,
На холоде, под градом и в жару
Он трудится — неспешно, терпеливо...

Судьбы своей нележкой не клянет,
И хоть нередко приходилось туго,
Прощает морю горечь всех невзгод,
Как мы прощаем прегрешенья другу.

Он добывает трудный свой улов —
Когда скупой, когда — и побогаче —
Без суеты, без наших лишних слов,
Обид не помня. Радуюсь удаче.

* * *

Душа человека беспечного
Верней осторожной души —
Открыта для каждого встречного:
Входи, согревайся, дыши!

В душе осторожной все заперто —
И ставни, и дверь — не взывай:
С дороги устал — падай замертво;
В дороге продрог — замерзай!

* * *

Зачем с запальчивостью молодою
Сейчас ты ядовито произнес:
"Кому же верить?" От тебя не скрою:
Такой вопрос, пока я жил и рос,
Ни разу не вставал передо мною,
Но я тебе отвечу на вопрос.

Дикарь, с копьем отравленным, с колчаном,
Дикарь, чей ум был погружен во тьму,
Молился, чтобы верить, истуканам,
А разуму не верил своему.
Но ты, мой друг, в движенье неустанном
Верь, верь себе, верь своему уму!

Прозрение

Врач, мучиться заставив, уничтожил
Мрак слепоты, что длился много лет,
И для слепого мир впервые ожил,
И жизнь его наполнил добрый свет,
Но мрак давно привычных, темных дней
Был мрака слепоты сильней.

Он, и прозрев, не доверял удаче,
Шел по земле, на землю не смотря,
Упасть боялся в яму,— даже зрячий,
Беспомощно искал поводья,
Страшил его людской круговорот...
Кто зренья зрячему вернет?

Несовместимость

Знает доктор, что вливать больному —
Старику иль парню молодому —
Кровь несовместимую нельзя:
Только совместимая целебна.
А несовместимая — враждебна,
Быстрой смертью каждому грозя.

Знаю и вовеки не забуду:
Есть несовместимости повсюду.
Знаю, как наступит разом смерть:
С глупостью сольется разум? Смерть!
Правда — с ложью вековою? Смерть!
Свету, что сольется с тьмою, — смерть!

* * *

Порой высокое смешно
И вызывает раздраженье,
А в низком — ценное зерно...
Какую выбрать точку зрения?

Всего труднее на пути —
Хоть пройдено уже немало!—
Ту точку зрения найти,
Чтоб с точкой Истины совпала.

* * *

Когда разумный человек,
Кривлякам и глупцам в угоду,
Кичится на глазах у всех
Достоинством своей породы
И чистотой своих кровей
(Всем тем, что ценно — у копей!),

Мне представляется на миг,
Что этого он сам достиг,
Что подвиг совершил высокнй,
Что проявил он удальство,
Разведав, где и от кого
Родиться... И в какие сроки.

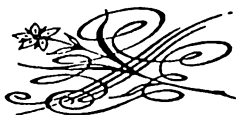

* * *

Когда я подвожу итоги
Того, что в жизни я постиг,
Когда исследую истоки
Блужданий, поисков своих,
То, как в насмешку, непрестанно
Я с истиной встречаюсь страшной!

Кто совершенствует мой разум,
Всегдашним рвением палим?
Кому я больше всех обязан?
Клянусь, противникам моим!
Чуть затупиться ум захочет —
Они его тотчас отточат!

* * *

В голосованье равнозначна роль
Того, кто единица и кто поль.
И потому, когда идет подсчет,
Не ум, а руки принимают в счет.
Чьих больше рук — хозяева они,
Но избранный, ты трезво оцени,
Презрев тщеславья мудро торжество,
Кем избран ты? Чье это большинство?
А если против будет больше рук —
Себя позорче огляди вокруг,
Обдумай все поступки и дела
И, не найдя причины, что дала
Принять вердикт такой неправоты,
Задумайся: "А кем не избран ты?"

* * *

Мы смотрим вдаль с надеждою и верой
И Будущее видим все ясней,
Но все ж Грядущее мы мерим мерою —
Привычною мерою настоящих дней.

Грядущее рисуют ум и глаз
Так, как сегодня это нам по силам...
Но где нам знать, каким мериллом
Грядущее измерит нас.

* * *

Заслуженное слово — "Я"
Охавать не будем зря.
Без слова этого, поверьте,
И славных не было б на свете.
Его не сбросишь со счетов...
Но нужно знать порядок слов.

Звучало слово "Я" давно
В устах героев древних, но...
Да будет ведомо потомку,
Что только после слова "Мы"
Произносили "Я" негромко
Все настоящие умы.

* * *

Минувшего нам очевиден путь.
Через года и пелену забвенья
Мы различаем дней прошедших суть,
Причины и следствий спаянные звенья.

Как нам ошибки прошлого ясны
И отклоненья все от главной цели!..
Теперь они для нас обнажены,
Как дно реки, чьи воды обмелели.

Но Завтра тоже будет всем видней
Сегодняшний наш день... И думать надо,
Каким предстанет русло наших дней
Потомкам нашим, зоркому их взгляду.

* * *

Потоки славословий шумных,
Известности густой туман
Порой морочат и разумных
И вводят их сердца в обман.
Глубоко проникая в поры,
Они лишают нас опоры.

Так, значит, верно говорят,
Что будто слава — это яд?!
А если гений знаменит —
И он не избежит отравы?!
О нет, неправда! Ядовит
Лишь чад и грохот ложной славы.

* * *

Когда откроется случайно
В одной душе какой-нибудь
Изыян, годами бывший тайной,
Которым можно попрекнуть,—

Как согрешившего порочат,
Как судят, как пинают зло,
Как будто у других, у прочих
Душа прозрачна, как стекло!..

Как будто ими обнаружен
Не чей-то там чужой грешок,
А лучшую из их жемчужин
Хитрец у них похитить смог!

Священной правотой пылая
("Уж мы-то, мы не таковы!"),
Готовы судьи всею стасей
Лишить беднягу головы!

И если бы, как некто в храме,
Он обратился к их сердцам:
"Пускай в меня, мол, бросит камень
Тот, кто греха не знает сам!",

То камни полстели б градом
Из всех домов, со всех сторон,
И под свистящим камнепадом
Несчастный был бы погребен.

* * *

Не сердись на правдивое слово,
Если даже тебя и обидит оно.
Сердиться на правду — все равно
Что гневаться на корову.

Только правда сладкого не даст молока.
Правда — едка.
Правда — горька.
От горечи правды —
В горле ком.
Но разум питается ее молоком.

Сердясь на правду,
Лишь себя растревожишь,
А правду этим не уничтожишь.
Правда всегда права.

Если ж ты признаешь ее права
И вступишь
С ней вместе
С кривдою в бой,—
Ты будешь жить нелегкой судьбой,
Но пребудешь самым собой.

* * *

Премудрый, бескорыстный и прямой,
Хотя б крупницей — ты в другом храним.
Когда затеешь суд вершить над ним,
Не забывай об этом, мый мой.

* * *

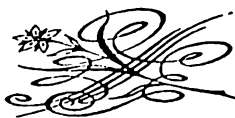
Природа остроюю вѣнеціі
Не наделила нашихъ глазъ.
Мы видимъ лишь поверхность вещи,
А правда прячется отъ насъ.

Мечтаешь вникнуть в мир до точки,
В глубины правды заглянуть?..
Проникни через оболочки,
Умом постигни правды суть!

Быть может, будет правда эта
Совсем иной, чем ты хотел,
Но ощути ее приметы
Не в звоне слов, а в смысле дел.

И полюби ее такую,
Какой познаешь — во плоти,
Не подправляй своей рукою,
Не сглаживай, не золоти!

Лжи, для задач ее лукавых,
Нужны прикрашенность и лесть,
Ложь — та нуждается в приправах,
А правда хороша как есть!

Лебеди

Лучи играют на воде, на травах...
По синеве к нам близятся, скользят
Два лебедя — прекрасных, величавых,
А следом — шесть пушистых лебедят.

Два белых сна плывут к нам наяву,
Две чистоты — не сыщешь в мире чище!—
Плывут и обучают на плаву
Своих малюток добыванию пищи...

Глаз оторвать от них я не могу...
Не я один!..
 Кругом на берегу,
На сочном фоне зелени и неба —
Сияют лица взрослых и ребят...
— Сюда!— они кричат... Они манят.
Кто — круглый бублик, кто кусочек хлеба
Вверх поднимая,— чтобы позаметней!..
И вижу я, что малыи мальчуган
Таким же ликоваьем обуян,
Как все, как я — шестидесятилетний!

Подильи птицы... Тянутся упруго.
И скромные дары из наших рук
Берут — о милые!— с доверьем друга...
"С доверием!"...

 И осознал я вдруг,
Что всё мы — птицы, травы, и деревья,

И люди, что сейчас сюда пришли,—
Мы — жители, строители Земли,—
Мы все истосковались по доверью!..
...И если все доверье обречем —
Жизнь заиграет солнечным огнем!

Комета Галлея

О том, что гостя звездная несет
Следы древнейших аминокислот,
Среди степи, где ни дорог, ни сел,
Присев на склон кургана, я прочел.
Обычная газетная строка,
И суть ее, казалось, далека.
Но сердце обволок счастливей страх:
Ведь это значит — жизнь в других мирах.
И где-то есть планета надо мной,
Чей путь подобен участи земной.
Дыханье трав медвяных донесло,
И грудь мою заполнило тепло.

Вдруг бабочка, мелькая в тишине,
На миг сестрою показалась мне...

Мой разговор с сусликом

В месяце Цаган — душистом, чистом —
Чуть в Калмыкию пришла весна,
Оглашая степь весенним свистом,
Суслик пробудился ото сна.

Вылез он, пушистелький, из норки
И стоит, как столбик, на пригорке —
В настроении, видать, отличном...
— Здравствуй, суслик! Все ж тебе я рад!..
Ты ж в конце концов не виноват,
Что питаешься зерном пшеничным!

Вот ведь что природа учудила:
Бич полей, ты — мой исконный враг!..
Эх, ловил бы ты мышей, мой милый,
Мы б тебя носили на руках,
Воспевали бы в поэмах славу,
А не подсыпали бы отраву!

Все же не сердись на нас, людей...
Будь ты посылнее, полкотеи,
Поменяйся ты местами с нами,
Ну а мы, мы, ставши грызунами,
Пожирали б зимний твой запас,—
Разве, суслик, ты щадил бы нас?!

Но пока не изменились роли,
Примиришь, бедняжка... Потерпи!..
Если вас останется в степи
Этак пять или шесть семей, не боле,—
Люди вас немедля отличат,
Тотчас же изменят нрав свой жесткий
И твоих малюток сусличат
Станут, может быть, кормить из соски.

Выстроят вам лучшие дома
(Надо ж все же виду сохраниться!)
И для вас наполнят закрома
Самую отборною пшеницей...

Будешь ты с семейством, как в раю!
Нужно только подождать, конечно... —
...Не дослушал суслик. И поспешию
В норку сунул голову свою.

Куцым хвостиком повел слегка,
Может статься, в предвкушенья рая,
Может (кто поймет его, зверька?),
Вдруг меня за что-то презирая?..

Так иль нет, но он вынынул задком, —
Кабы мог бы, так захлопнул двери, —
И укрылся в норке целиком,
Доброте моей не слишком веря.

В цирке

Поднимая передние ноги,
Он послушно танцует на двух,
Под заигравший вальсик убогий,
Конь-циркач, разукрашенный в пух,
На арене кружится он, стоя,
И как будто кичится уздою.

Люди рады. А я вспоминаю
Наши степи в разгаре весны...
Ни узды, ни поводьев не зная,
Скачут вольных коней табуны,
Тех, что волка — в сражение открытом —
Убивают могучим копытом...

Сердце сжалось от злости и боли:
Жалкий этот плясун цирковой
Благодарен за счастье неволи
И холеной своей головой
С переливчатой гривкой атласной
Нас приветствует подобострастно.

Не таким он пришел на арену!
Вижу явственно издалека,
Как, роняя кровавую пену,
Норовил он стряхнуть седока,
И храпел, и шарахался дико,
Гневным глазом косясь на владыку...

А потом — изменились повадки.
Что могло бунтаря одолеть?
Сахар, что ли, прельстил его сладкий?
Устрашили свистящая плеть
И мундштук, разрывающий грубо
Лошадиные мягкие губы?

И теперь только изредка снится
Бег, похожий на птичий полет,
Только изредка круп кобылицы
В сновидении смутном блеснет,
Обжигая дразнящей тоской...
Сон уйдет, но — разрушен покой.

Потому-то ему захотелось,
Всех кощей па арену согнав,
Обуздать их неистовый нрав,
Чтоб забыли упрямство и смелость,
Чтобы впредь на дыбы не взвивались,
А, привстав, танцевали бы вальс!

Беззаботно коню, безопасно
В теплом, сытном раю цирковом!
Тот, кого несправедливо он страстно,
Нынче стал для него божеством.
Конь доволен судьбою своею,
О свободе и думать не смея.

Но прервал моих мыслей струень
Марш...

Цветные лучи по арене
Разбежались.

И, словно во сне,
Закружились в бесплодной погоне
Разноцветные жалкие кони,
Жалких львов унося на спине.

* * *

Это связано жестко,
Хоть в учебник впиши:
Ожирение мозга
С дистрофией души.

* * *

Осенний лист на длинном черенке
Поник, подумал... и слетает в воздух.
А степь в рассветном голубом дымке
Примолкла, долгий предвкушая роздых.

Давно пшеница убрана в полях.
Стерни колючки в пахоте размякли.
Скирды в низинах — на манер папах
Из серебристо-серого каракуля.

И, пробиваясь нехотя из мглы,
Лучи ложатся — все спелей, багряней,
Они как будто слишком тяжелы
Для зябкой, паутинно-тонкой рани.

Арбуз калмыцких степей

Случается — от Родины вдали,
Когда устанешь от чужих красот,
Очарование родной земли
Вдруг с новой силой память обожжет.

Но вслух я не хвалю свои края...
Прилична ль взрослым похвальба детей,
Лепечущих, что "мамочка моя,
Конечно, лучше мамочки твоей"?

Что обижать гостеприимный дом?..
Есть прелести свои в любой стране.
И все же... все же в случае одном
Сдержаться куда как трудно мне!..

Когда на стол хозяин подает:
"Покушайте, отведайте на вкус..." —
Зеленоватый неказистый плод,
Который там у них зовут "арбуз"...

Я никому не нанесу обид,
Я виду не подам, что мне смешно...
"Тот гость, кто угощение хулит, —
Недобрый гость..." Известно мне давно.

Я улыбнусь... Но в миг, когда беру
Любезно мне предложенный ломоть,
Невольно вспомню тонкую кору,
Слоистую и сладостную плоть...

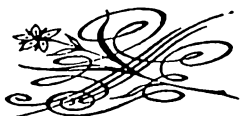
Тебя, арбуз калмыцкий, в той поре,
Когда ты спел и налит солнцем так,
Что только тронь ножом — и по коре
Как будто брызнет молнии зигзаг.

И альпі иней мякоти блеснет,
И сердцевина — сладости сосуд —
Твой алчный глаз и пересохший рот
Так раздражит, что слюнки потекут!..

О чудо-ягода родимых мест,
Отрада полыхающего дня!
Лишь тот, кто, соком обливаясь, ест
Тебя в жару — лишь тот поймет меня!..

А я — в гостях — перехожу на ямб
И, добровольный отменив запрет,
Слагаю в полный голос дифирамб
Тебе, арбуз, какому равных нет!

* * *

Могу ль усомниться, однажды изведав,
В том чувстве, что с вечностью я — неделим?
Быть может, оно — от степных моих дедов?
А может, испытано мною одним?..

Не знаю... Но стоит мне выйти в просторы,
Увидеть, как падают звезды в траву,—
С сознания точно спадают затворы,
И ясно мне: здесь я извечно живу.

Меж миром и мною исчезли граицы.
Я — воздух. Я — ветер. Я с далями слит.
И кто различит — это мысль или птица
Над вольным, шуршащим покоем парит?

Как тополь, я смысл постигаю высокий,
Как травка, и знать не хочу — что к чему...
Какие тут могут быть счеты и сроки?!
Брожу и дышу... И никак не пойму,

Никак не решу я простую загадку:
Когда эти мысли ко мне притекли —
В моей только жизни — и брэнпой и краткой —
Иль, может, в начале всей жизни Земли?!

* * *

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух, и простор,
И колокольчик — жаворонка трели!..
Ты — музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.

Как счастлив я, что голос твой пойму,
Что человек я, что душе все чаще
Доступна радость красоты шемящей...
Иль человек я только потому,
Что внемлет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедро!.. Как хороша!..

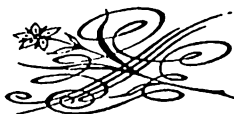

* * *

Когда средь стéпи одинок
Стою над гладкою равниной
И чистотой дышу польшиной,
Мне чудится, что я — высок.
Я осязаю бесконечность,
Душа моя вмещает вечность.

Где все преграды бытия?!
Неразличимы были и небыль,
На свете — только степь и небо.
На свете — птицы, степь и я!..
О, счастье духа, счастье тела!—
Простор, не знающий предела!

Тополь

Когда в степи ни ветерка,
А солнце жжет жестоко,
Манит к себе издалека
Он — тополь одинокий.

И я, как только попаду
В пустынную округу,
Ему киваю на ходу
И радуюсь, как другу.

Струит прохладу и покой,
Стоит радушен, важен...
Чьей благородною рукой
Он здесь, в степи, посажен,

Чтоб осенял прохожих взмах
Листвы его зеленой?..
Не девушка ли это в знак
Любви неразделенной

Воткнула в землю черенок
И возростила, холя?..
"Пусть будет тих и одинок,
Как нелюбимой доля..."

Иль, вволю настрадавшись, мать
Тут сына схоронила,
И должен тополь охранять
Печальную могилу?

Иль посадил в палящий день
Отросток тополевый
Старик чабан: "Пусть будет тень
У чабана другого!"

Чей это бескорыстный труд,
Быть может, знать не нужно:
Благие помыслы живут
В ветвях, шумящих дружно.

И грубоватая кора,
И листья нежной кроны —
Источник жизни и добра
В пустыне раскаленной.

Смотрю на мир...

Созрело утро, словно ранний плод.
Прозрачно-чист высокий небосвод,
Цветущий сад — в благоуханных волнах.
Передохнуть присел я на крыльцо.
Смотрю на мир... Старается подсолнух
Подставить солнцу круглое лицо.

Куда ни глянь, у всех — свои дела.
Собака — беспризорная дворняга —
Бежит с пригорка, не сбавляя шага,
Насторожилась, носом повела
И вновь, трусцой, тропе наперерез
Спешит, хромя: времени — в обрез!

А на тропинке — полосатый кот,
Беззвучно-мягкий, словно сшит из плюша.
Торопится и он... Прижавши уши,
С дорогою он слился. И ползет...
Видать, вдали его добыча манит.
Не трогайте его: он очень занят.

А меж травинок, у ноги моей,
Гляжу — бежит трудяга-муравей.
Штурмует горы — иль комочки пыли! —
Он тащит, тащит, не щадя усилий,
Детишкам завтрак... Он устал в пути:
Кузнечий окорок легко ль нести?!

О, мир существ таинственно-родных!
Слежу за ними взглядом восхищенным.
Они верны неписанным законам
И так послушно исполняют их,
Как будто бы любая тварь земная
Приходит в мир, свой долг священный зная!

А я? Я тоже — в честном их кругу.
Могу ли — старший! — быть у них в долгу?!
Сейчас я поработаю на славу;
И я берусь немедля за труды,
Прокладывая к яблоне кудрявой
Канавку для живительной воды.

Зерно

Когда сравнишь ты с золотом зерно,
Смотри, чтоб не обиделось оно!
А что такое золото?
Металл.
Зато зерно — начало всех начал!
Скажи мне, с чем зерно сравнишь ты цвет?
Знаю, что сравним с ним
Только солнца свет!
Хоть точность есть в сравнении таком —
Внимательно подумай о другом:
Лишь цвет от солнца зерна обрели,
А внутренняя суть их — от земли!
Но, этот вывод сделав, не спеши —
Заслугу всю земле не припиши.

Зерно мертво до той поры, пока
Его не тронет теплая рука.
Но и тогда, хлеба возрадив,
Она
До дна не исчерпает суть зерна:
Рука творит деянья не сама,
Она — слуга желаний и ума...

С начала дней суть хлебного зерна,
Как истина, проста, как жизнь, сложна!

* * *

Жизнь на лицах вяжет узелки
И морщини протягивает нити.
Всем людским стараньям вопреки
В каждом теле — груз былых событий.

И его не денешь никуда.
Тяжесть эта давит и тревожит.
Рад бы человек свои года
Обуздать, стреножить, да не может!

А желанья так бурлят подчас,
Будто двадцать лет тебе, не боле!
И не усмиряет их приказ
Самой мудрой, самой властной воли.

Сын не знает, что отец томим
Тою же мечтой петерпеливой,
А увидев сына, перед ним
Затаится, замолчит стыдливо.

Дух состарить иль — одно из двух! —
Сделать бы, чтоб тело не старело,
Потому что вечно юный дух
Мучает слабеющее тело.

* * *

Отсвечивая блеском лака,
Склонила скрипка тонкий гриф...
Пока молчит она, однако,
Мелодий столько затаив,
Что будоражащей их силы
На весь бы шар земной хватило!

А рядом, неказист и прост,
Лежит смычок... Но, сбоку глянув,
Я вдруг увидел копский хвост
И скачку сказочных титанов,
Несущихся во весь разлет,—
Как скрипка, воздух вслед поет...

...Я думал о твоей судьбе,
О скрипка, музыки царица!
Что б ни случилось, но тебе
С твоим смычком — не разлучиться.
Ты от него отделена,
И все ж душа у вас — одна.

Твой клад в тебе глубоко скрыт,
Богатство бархатных созвучий
Тогда лишь дивно зазвучит,
Когда струны твоей певучей
Смычок коснется хоть едва,
Ты без него навек мертва.

И, если вкрикнуть, все мы, все мы
Без близких душ — мертвы и немы.
И радость, и потоки слез

В мир прорываются лавиной,
Когда нас сводит воедино
Жизнь — гениальний виртуоз.

* * *

Как хорошо, что мир не из зеркал
И человек, скитаясь, ежечасно
Свое лицо не видит. И прекрасно:
Ведь, зрелищем природы потрясен,
Как равный с красотою мира он.

* * *

С утра поливал я деревья в саду...
Гляжу, в отстоявшейся крохотной лужице
Плывет муравьишка, барахтаясь, кружится —
Попал ненароком, трудяга, в беду!
Ему протянул я сухой стебелек,—
От гибели верной его уберег.

И он, суетясь, побежал от меня,
К своим побежал, в муравейник, не мешкая...
"Быть может, его поджидает родня?"—
Подумал я, вслед ему глядя с усмешкою.
И стало теплее в душе на минуту,
Как будто и вправду помог я кому-то.

* * *

Цветок в горшочке на окне,
Звезда в небесной вышине,
Меня чаруя красотой,
Соединенные во мне,
Беседуют между собой.

* * *

И я постиг, что музыка безмолвно,
Еще не порывая с тишиной,
Сияющие скапливает волны,
Послушная любви — любви одной!

Что живопись, ни линии, ни цвета
Не потеряв за долгие века, —
Живым дыханием любви согрета,
И вечности лишь потому близка.

И что поэзия, чуждаясь шума,
Став электричеством у нас в крови,
Вдруг воплощается в слова и думы,
Послушная велениям любви...

Все эти тайны, все познавья эти
О появлении искусств земных —
Все это лишь теперь, при ясном свете,
При вашем ясном свете я постиг.

Все это мне лишь подле вас открылось,
Когда, преображая все вокруг,
Сама любовь дарует мне, как милость,
Светящееся слово, цвет и звук.

Женщина

Мужчин сухой, рассудочный расчет,
Ошибки исключив и милосердье,
Вернейшим — будто бы! — путем ведет...
Но почему ж

иные

перед смертью

Вдруг понимают: цель была не та
И позади зияет пустота?..

А женщина? О, нежность! О, сама
Неправильность, изменчивость, пагуба!..
Ты только сердцем делаешь открытья,
Являя этим глубину ума.
Вся жизнь твоя, подвластная минуте,
Не красота ль в ее бессмертной сути?..

* * *

Проходят мимо — парами, толпой —
Ничем, ничем не схожие с тобой:
Ни голосом, ни поступью, ни взглядом...
О, сколько жепщин — в отдаленье, рядом —

Совсем других, чем ты... Что мне до них?!
Но если я представлю хоть на миг,
Что каждая из проходящих мимо
Кому-то на земле необходима,

Как ты — моей душе... И что, любя,
О них тоскуют и светло и больно,—
То в этот миг покажется невольно,
Что все они похожи на тебя!

* * *

Что ж, если Вы грустите о другом,
Как я о Вас... Да совершится чудо!
И счастье Вас да осенит крылом!
Преградой между вами я не буду.

В сторонку тихо отойти смогу.
Как жил когда-то, стану жить и дальше.
Что ж, будьте счастливы!.. Нет, я не лгу!
В моих словах — клянусь! — ни капли фальши!..

Но там, внутри, под ворохом сухим
Разумных мыслей, пламенно и дико
Растет желанье — до тоски, до крика:
"Со мною будьте счастливы! Не с ним!"

* * *

Когда в прекрасных ласковых глазах
Я встретил луч желанный пониманья
Чужой судьбы и чувство состраданья !
К обиженным, кто принужден впоотьмах
Блуждать вдали от солнечного света,
Когда я осознал, что обогреты
Лучами милосердных ваших глаз
Все те, кто так нуждается в тепле,

Меж тем как вы идете по земле,
Как бы прося прощенья, стыдись,
Что шумным праздникам любви и дружбы
Не радуетесь так, как было б нужно,
Поскольку вы душой — в чужой беде, —

Тогда-то стало мне понятно — где,
В каких истоках нежности и ласки
Художник гениальный черпал краски,
Когда решился ангела писать
И стал в искусстве божеству под стать.

И я благословляю этот миг,
Когда ваш добрый взор в меня проник
И озарил сознанья глубину.
И радуясь удаче, неудаче,
Я прозреваю. И судьбе незрячей
Прощаю неразумную вину.

Иные
Ты мне слова и мысли приготовь,
И не вверяй мне
Тайн своих отъше,
И дружбой
Не карай мою любовь.

* * *

На облик ненаглядный
Смотрю со стороны
И вчитываюсь жадно
В черты, что так нежны.

О том, что вы вначале
Знавали боль обид,
Ваш лоб, чуть-чуть печальный,
Свидетельство хранит.

О некой горькой тайне
Морщинки говорят,
Но ясен чрезвычайно
Прощающий ваш взгляд.

А губы!.. Эти губы,
Что лепесткам сродни!
Всего, что лживо, грубо,
Чуждаются они...

Вот вы из тени вышли,
В сиянье чар своих, —
И все теперь излишне,
Все — мысли, время, стих.

Ту красоту, что скрыта
В природе от людей,
Втяпули вы магнитом
Всей доброты своей.

Все в мире осияла
Любви моей заря,
Теперь мне ясно стало,
Что было все не зря.

Что жизни опыт строгий,
Что трудных лет гряда —
Лишь часть одной дороги,
Что к вам вела всегда.

Что начат издалече
Двойной ваш путь земной,
Что вы еще до встречи
Мерцали надо мной

Лучами золотыми
Сквозь сумрак, сквозь туман...

...Я прячу ваше имя,
Как счастья талисман.

* * *

''Люблю его!'' — она сказала вслух.
И в ужасе собрание онемело.
''Он враг народа'', — буркнул бывший друг
И тотчас взгляд потупил оробельи.
Так прост и дерзок был ее ответ:
''И все-таки его честнее нет!''

И трудно было сердцу и уму:
Давалась ей, как Галилею, смелость.
Она любила вопреки всему,
Как вопреки всему земля вертелась...

* * *

Когда густой туман житейских мелочей
Проникнет в дни мои и в глубину ночей
И, задыхаясь, выхода не чаю,—
Лицо твое во мгле возникнет, серебрясь,
И превратится в свет, и оживляет связь
Со всем живущим, радость излучая.

* * *

Что было ''до''?

До дня, когда

Весна справляла торжество

И ты ступила на порог?..

Да что ж я делал в те года?

Чем жил тогда?.. И для чего?

Как вообще-то жить я мог?!

* * *

Еще не создавали свет
Светлее женщины влюбленной,
И никого на свете нет
Смелее женщины влюбленной.

Спасая милого, она
Без колебаний все разрушит.
И — если вправду влюблена —
Погубит и семью, и душу.

Все беды для нее — не в счет,
Расправится с любой напастью.
Смерть за любимого почтет
Такая женщина — за счастье...

Но если только в нем самом
Она коварство разглядела,
То в оскорблении своем
Она не ведает предела.

Что для нее чужой покой,
Препоны совести и чести?!
Для гневной женщины такой
Нет ничего желанней мести!

Жесточе нет ее суда!
Ей милосердие — немило,
Она смирится — лишь когда
Вобьет обидчика в могилу!

Пусть с граем вьется ворохъ!
Пускай клеймит его злословье!..
По силе ненависть ее
Сравнится лишь с ее любовью!

Свет женщины

Посвященные женщине строки —
Поэтической правды предел,
Плод ума и таланта высокий —
Прочитал я
и словно прозрел.

Я увидел пронзительно-ярко
(Удалось мне завесу смахнуть)
Не ткачиху, врача иль доярку —
Сокровенную женскую суть,

Что влечет по неясному следу,
Источая таинственный свет,
И дарит нас желанной победой,
Драгоценней всех прочих побед...

О, такой на мужской не похожий,
Озаряющий, ласковый взгляд!..
И два холмика с трепетной кожей,
Те, что жизнь человечества длят...

Победительницей побежденной
Предстает, покоряясь, любя,
Словно бог, в тесном сумраке лона
Отчуждающая от себя

Плоть с кипящим напитком бессмертья,
Тонкогорлый прозрачный кувшин...
Вижу: гений ее — Милосердьё —
Торжествует над миром один.

Потеряло внезапно значенье
Все, что важным казалось вчера,
В золотистом ее излученье,
В тихом свете любви и добра.

* * *

Лишь о тебе в безмолвии, впотъмах
Я думаю... Душа моя — в смятенье.
Сон, на меня нагнавший белый страх,
Мне не дает уснуть ни на мгновенье.

Лежу во тьме и словно жду беду...
Вдруг кто-то злой, подкравшись втихомолку,
Со смехом разобьет мою звезду
На горестно звенящие осколки...

И вместе с нею ты в жестокой мгле
Сгоришь дотла, и ждать тебя напрасно!
А я, во тьме оставшись на земле,
Со стоном рухну, навсегда угасну...

Что делать мне?.. Как мне дождаться дня?
Куда спастись от страха, от напасти?
Сейчас ты так далеко от меня,
Что, видишь, и до сна не добралась ты!

Нет, будет с нас несчастий и потерь!
За право жить заплачено сторицей...
Спаси меня! Войди в мой сон!..

Уверь,
Что ничего с тобою не случится!

* * *

Нет пули смертопоснее, чем слово,
Мне это ведомо уже давно.
Ценою лет, отмеренных сурово,
Ценою бед оно подтверждено.

И потому-то вас я заклинаю
Лишь об одном: когда, меня брая,
Наскажет обо мне молва людская,—
О правде вы спросите у меня.

Расспросы ваши всей душой приму я.
Молю, меня спросите!.. И тогда
Вершите суд — в открытую, впрямую...
Что праведней открытого суда?!

Лишь мне и сердцу вашему поверьте,
Что в этих слухах — верно, где — навет...
Да будь я даже под угрозой смерти,
Лишь правду вы услышите в ответ!

Лишь правду. Только правду... Вы на ощупь
Узнаете, в чем смысл ее и суть...
Погибнуть мне — и радостней и проще,
Чем вас хотя бы в чем-то обмануть!

* * *

Опьянив меня с рассвета
Ароматом теплых трав,
Струйки звуков, струйки цвета
Колдовски перемешав,

Что весна со мною творила
Солнцем, воздухом, волшебю!..
Целый день она дарила
Встречи новые с тобою!

Защелкает, засмеется,
Рукавом взмахнет сквозным, —
Птичье пенье обернется
Милым голосом твоим!

А едва — сквозь цвет акаций —
Я завидел синеву,
Тотчас начал мне казаться
Светлый взор твой — наяву.

Мне подарена весною
О безмерном счастье весть:
То ли ты всегда со мною,
То ли ты весна и есть!..

* * *

Как вчера,
приоткрыл ресницы
Молодой апрель на заре,
Как вчера,
веселые птицы
Заливаются во дворе.

Зеленеют деревья тут же,
Тут же пышно цветет сирень...
День как будто ничуть не хуже,
Чем вчерашний погожий день.

Все светло, как вчера, в природе,
Как вчера, лучи горячи...
Почему же ко мне не доходят
И не греют меня лучи?!

И какой-то призывок печальный
В пенье птиц я слышу с утра...
Улетела ты в город дальний,
Ты простилась со мной вчера.

Небо — словно не голубое,
Степь как будто бы отцвела...
Неужели одной тобою
И была мне весна светла?!

* * *

Трепеща, купаясь в тепле,
Сыплет жаворонок свои трели.
— Для кого, дружок, на земле
Ты поешь в этот день апреля?

От дыхания ветерка
Шелестят еле слышно травы...
— Для кого, наклонясь слегка,
Травы, шепчетесь вы лукаво?

Понимаю сердцем своим,
Что им нужно — траве и птице.
Видно, радость не в радость им,
Если не с кем ею делиться.

И, признав меня земляком,
Способ ищут они все вместе —
Бессловесным своим языком
Передать мне светлые вести.

Мне ясна их добрая цель.
Ведь не знают эти созданья,
Что меня одарил апрель
Древней силой всепониманья.

* * *

И безветренна даль и тепла,
Труд не спорится в эту погоду!
Слышу, в сад залетела пчела,
За нектаром, наверно, для меда.

Пожужжав, избирает цветок
С золотой, как янтарь, сердцевиной,
Запустила в него хоботок,
Тянет, тянет упорно и длинно.

Отдалась безраздельно труду,
Позабыв о приволье полета...
За ее вдохновенной работой
Я слежу, все никак не уйду!

Наконец шелохнулось крыло —
С разрисовкой тончайшей, сквозною.
И работница с ношей дневною
Над цветком поднялась тяжело.

А до улья лететь далеко!..
Что ж, премудрый, ты хмуришься гневно?..
Видишь, даже пчеле нелегко
Выполнять свой урок каждодневный!

* * *

Опять свершилось чудо:
Из сказочной дали,
Не то невесть откуда
Красавицы пришли.

Одна, с зарею схожа,
Блеснула у ворот.
В лицо взгляделся... Боже!
Мы вместе служим год!

Мы с ней давно знакомы,
Но девушка, маня,
Впервые по-шному
Взглянула на меня.

Дарует перемены
Ручьев журчащих бег.
Все ново во вселенной,
Когда растает снег.

Смывая с лиц печали,
Весна уносит муть.
Чтоб люди показали
Их подлинную суть.

* * *

Ю. С. М.

Народные сказания чисты,
Истоки их — светлы и глубоки,
"Есть в мире три острейших остроты", —
Нам говорят калмыки-старики.

"Когда дождем прольется небосвод
И солнце снова тучи разорвет, —
Лучи его — что острые мечи", —
Поют в старинных песнях джангарчи.

"Когда в пути кочевник изнемог
И все доел он — до последних крох, —
По-волчьи у него острые клыки", —
Нам говорят в преданьях старики.

"Когда до срока умирает мать
И на детишек устремляет взгляд —
Как будто хочет их в себя вобрать, —
Тот взгляд всего острее", — говорят.

Так нам вшушали в мудрой простоте
Седые наши деды и отцы,
Но об одной, четвертой остроте
Калмыцкие забыли мудрецы.

Когда любовь, что так была чиста,
Расколется о камни бытия, —
Жестокой этой боли острота
Всего острее...

Говорю вам я.

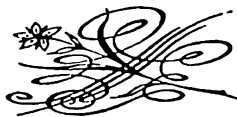

Польнь

Когда апрель рассыпал горсти
Лучей — сверкающих монет,
Я собирал в степи букет...
Цветы, как праздничные гости,
Меня пьянили пестротой —
Пунцовы, золотисты, сици...
И я не замечал польни —
Такой привычной и простой.

Жарою сделалась тепльнь,
И перешли в другие страны
Ромашки, лютики, тюльпаны.
Осталась горькая польнь.

Не помышляя о разлуке,
Она выносит знойный ад.
Струит целебный аромат,
Со степью, с нами делит муки
И машет мне рукой своей,
Как будто вовсе не в обиде,
Что, обольстясь красой гостей,
Я проходил,
ее не видя.

* * *

Сквозь густоту ветвистой кроны
Луч солнца пролагает след
И с неба до земли зеленый
Подвижный зажигает свет.

И этот свет и птичье пенье,
Зеленый свет и соловьи —
Природы перевоплощение
В слова молитвенной любви.

И беспричинная беспечность
В душе возникла, словно бед
Нет в мире, да и смерти нет —
А только свет, и звук, и вечность...

* * *

На гибкой черпоте ветвей
Листочки шелестят в тумане,
А на ветвях души моей
Стихают шелесты желаний.

Печальнее осенних птиц
Листва кружится золотая,
А слезы на концах ресниц
Все тяжелеют, не спадая.

Уж скоро, скоро пышный снег
Покроет ровно лес и поле,
А счастья в мире — не у всех,
Не всем дается в равной доле.

* * *

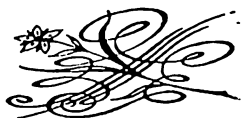
Насыщен воздух влагою ночью,
Лицо и плечи омывает свежесть.
Под чистым небом я лежу и нежусь,
Лежу и наслаждаюсь тишиною.

Далеко где-то тявкают собаки,
И лаять им не хочется, похоже,
Лучатся звезды трепетно во мраке,—
Знакомые, таинственные все же...

И мысль моя с ночным непостоянством,
И там и здесь — почти одновременно,
По времени блуждает, по пространствам,
По темной улице, по всей Вселенной...

И это все — прозрачная прохлада,
Надежды, достиженья, неудачи,
И звезд кружащиеся мириады,
И тишина, и даже лай собачий,

Грядущее, виденья наяву —
Слилось в одно, став жизненной разгадкой,
Покальвая искорками сладкой,
Неохватимой мысли: "Я живу!"

* * *

Везде, в любые времена
В своих приливах и отливах
Не воплощала жизнь сполна
Мечтаний даже у счастливых.

Мне ль на такую благодать
Рассчитывать?..

Скажу заранее:

Мне не приходится мечтать
Об исполненьи всех желаний.

Нет у меня на это прав!
И я склоняюсь пред тобою,
О жизнь, с единственной мольбою:
Казни за все, в чем я не прав,

Но близких мне и дорогих
Не позволяй судьбе обидеть,
Страданий никого из них
Не дай глазам моим увидеть!

Дети на сцене

Когда на сцене — дети
И звонкий хор поет,
Талант при ясном свете
Пред нами предстает.

Когда на сцене дети
Кружатся, как цветы, —
Дышать, как на рассвете,
Всеї грудью можешь ты.

Когда звенит на сцене
Высокий голосок —
Сияет день весенний,
Играет в листьях сок...

Душа омыта светом,
Все чувства вновь кипят,
И мысль моя при этом
Находит с миром лад.

Дети переходят мостовую

По шумливой улице иду я.
Вдруг затихло все вокруг меня:
Дети переходят мостовую,
Ножками усердно семеня.

Словно сквозь поток бурлящей речки
Твердая тропинка пролегла.
По двое топочут человечки,
Обсуждая важные дела.

До чего серьезны — поглядите!—
Эти люди о шестом году.
Много замечательных открытий
Сделано сегодня на ходу.

Все для них существенно и пово
В этом мире гулкой пестроты.
"Детский сад" — я понял это слово!—
В нем щебечут и растут цветы.

И недаром все движенье стало.
Легковые выстроились в ряд.
На ребят внимательно, устало,
Как слоны, грузовики глядят.

И шоферы, хмурые мужчины,
Трудный совершившие маршрут,
Подобрили, приоткрыв кабины,
И задержки лишней не клянут.

Я и сам, забыв свою работу,
Улыбаюсь чуть ли не до слез,
Будто мне совсем нежданно кто-то
Весточку хорошую принес.

Девочка

Девочка, совсем еще дитя,
Куклу положила на колени
И, глазами празднично блестя,
"В маму" с ней играет вдохновенно.

Да когда ж смогла она узнать,
Как, с младенцем слившись нераздельно,
Усыпляет маленькую

мать

Вековой песней колыбельной?!

Вижу я — игра идет всерьез.
Девочка, от счастья замирая,
Гладит прядку кукольных волос,
Шепчет: — Спи спокойно, дорогая!

Кушать захотела?.. Погоди!.. —
Наклонилась, зашептала тонко
И прижала к худенькой груди
Своего послушного ребенка.

... На все смотрю со стороны
И восторженно и удивленно:
Все ее движения верны
Женскому великому закону!

Будто к тайне тайн приобщена,
Все она извела заранее,
И теперь из памяти она
Достает, играючи, познания.

Будто, муку исключив и страх,
Проявила к ней природа милость
И в еще ребяческих глазах
Чудо материнства засветилось!

И, благоговением объят,
Я молчу, я вслушиваюсь в шепот
Той, чья мудрость превзошла стократ
Мой житейский, наживной мой опыт.

* * *

Когда над плачущим ребенком
Склонюсь,

и в этот самый миг
На звуке изумленно-топком
Он оборвет пежданно крик,

Как бы подумает мгповенье,
И вот, избрав меня из всех,
Родителям на удивленье,
Внезапно сменит плач на смех,

Когда, светло затешился,
глазки
Как звезды станут у него
И мне протянет руки с лаской
Прелестнейшее существо,—

Тогда восторгом и слезами
Преисполняется душа:
Важнейший на земле экзамен
Я сдал под взглядом малыша.

Да, самый в мире беспристрастный
Мои сомнения пресек:
Мол, "не кори себя напрасно,
Ты все ж — хороший человек!".

И, на "отлично" сдав проверку,
Весельем обуян я сам,
Ребенка поднимаю кверху,
А мог бы — к самым небесам!

И мир мне кажется исправным,
Жизнь — хороша. Судьба — права.
Я утвердился в самом главном,
Все остальное — треш-трава!

А это слабое созданье —
Подумать, крохотка такой!—
В мое вшкает состоянье,
К моей щеке прильнул щекой,

Смеется, дивно хорошея,
Овеяв свежестью меня,
Ручонками обнял мне шею...
Мы с ним — как будто бы — родня!..

Целую мальшпа, голубя
И накрепко прижав к себе,
Произношу в душевной глубин
Благодарение судьбе

За эту чистую отраду,
За детский смех — лучистый свет!
Другого счастья мне не надо,
И, может, выше счастья нет!..

Дивясь немного, но с участием
Другие все на нас глядят,
И, озарившись нашим счастьем,
Сейчас — прекрасны. Все подряд.

Мальчик

Сжал игрушку пухлою ручонкой
Он — еще не знающий беды.
Голосок звенит — высокий, звонкий,
Плещет ручеек живой воды.

Разрезвился, с радостью не справясь,
Излучает солнечный восторг —
Мальшй птенчик, тоненькая завязь,
Будущего крохотный росток.

У виска его легко взлетают
Кудельки — как будто мотыльки,
И улыбки тают — не растают
В каждой нежной ямочке щеки.

Завязь будущего, птенчик мальшй,
Мальчуган с игрушкой в руке,
Что-то нынче память записала
На твоём нетронутом листке?

Сколько будет там еще замсток —
На листке, белей, чем молоко?..
Что там подытожит nanoparticles?..
Но до этого так далеко!..

А пока он подбегает к маме,
Черными глазенками блестя,
И крылами тешными — руками
Осняет мать свое дитя.

И они — как будто беспричинно
Улыбаются — дитя и мать...
Совершеннее такой картины
Мир не создал.

И не мог создать.

* * *

Когда играю с детворой,
То, словно вырвавшись из плена,
Я распрямляюсь постепенно
И забываю возраст свой.

И дети радуются мне,
Доверчиво в глаза мне глядя:
Меж ними я — не взрослый дядя,
Я — свой, я — с ними наравне.

Мои волшебня — им сродни,
Вопросы их я сердцем слышу,
Такой же я, как все они,
Вот разве ростом — чуть повыше.

Все встало на свои места,
Я словно подышал весной,
Омыто свежестью лесною
Сознаье,
и душа — чиста.

* * *

Кудрявийі, на ножках точепых,
Руном серебрястым блестя,
Мальши, трехнедельный ягненок,
Резвится в степи, как дитя.

Он так взбудоражен игрою
И силой окрепнувших ног!
Точь-в-точь как дитя озорное,
Подпрыгнул, несется вподскок,

Головка — немножечко набок...
Ой! Что-то стоит впереди!
Втянул удивительный запах
И словно воскликнул: "Гляди!"

И в том же восторге ягнячем,
Что счастьем зовут у людей,
Смешно, победительно скачет
К встревоженной матке своей...

Весна ему дарит обшювы.
Ликует кудрявийі, шалит...
Он, словно цветочек махровый,
Со степью апрельскою слит.

* * *

Зеленая, еще не колосится,
И все-таки высоко поднялась...
Густая шелковистая пшеница
Блестит на солнце и ласкает глаз.

Ее простая прелесть не тревожит
И словно бы загадок лишена,
Но из красот весны она, быть может,
Всех больше человечеству нужна.

И я лобуюсь ею, рядом стоя,
Так, будто сам, с волнением, тоской,
В соавторстве с землею и водою
Замыслил некогда ее такой.

И позже — с вдохновеньем и искусством
Растыл, лучами растопивши лед,
И вот теперь с таким ревнивым чувством
Слежу за продолжением работ...

Молю, чтоб мир она преобразила,
Желанья наши воплотив вполне...
Как будто я в нее вложил все силы,
А силы вдвое прибыло во мне.

* * *

Когда я стоял, упиваясь игрою
Пичужек, мелькавших в лучах золотых,
Мечтая, как в детстве:

вот-вот я открою,

В чем тайна полета свободного их,
Вдруг рядом со мною, за ближним холмом,
Послышался выстрел сухонький гром.
Еще не рассеялся сизый дымок,
А думать о добром я больше не мог.
И было мне больно, и было мне тяжело:
"Как так — человек, не создавший пока
Не то что комарика или букашку,
Но хоть бы комочек живого белка,
Хоть самое простенькое существо, —
Все силы ума своего и таланта
Направил на то, чтоб себя самого
Разбрызгать на волпы легчайшего кванта?!"
Но добрые травы, и небо, и птицы
Меня утешали:

живое любя,

Посмотрит на них человек и, частицы
Вселенной собрав, — воссоздаст и себя.

Поэт

Когда в твоей груди, нища созвучия,
Бушует чувство, как волна бурля,
Когда в словах мятется мысль кипучая,
Твои сухие губы шевеля;

И всей душою, музыкаю взвихренною,
Ты ощущаешь вдохновенный жар,
И гений жизни с щедростью неслыханной
Тебе приносят новый образ в дар;

Когда с неистовым ты ищешь рвением
То вещество, что может запылать,
И дума стать готова откровенным,
Чтоб радовать людей и волновать, —

Тогда бумагу, жаждущую истины,
Ты напони, ты жизнь в нее вдохни,
Найди эпитет и глагол единственный
И строки напряженные замкни.

Пушкин

— Да как же он, стремясь к великой цели
Во весь размах своих могучих крыл,
Вдруг предрассудку века уступил
И оборвал до срока на дуэли
Жизнь, важную для нас, для всех вокруг?..—
Спросил меня поэт, мой юный друг.

И правда, ради пользы всей земли,
Искусства соблюдая интересы,
Не лучше ль было разрешить Дантесу
Пять прекраснейший облик Натали,
Простить ему всю низость, все бесчестье
И пренебречь своею личной мстью?..

А то еще и жалобу подать,
Упечь врага, ну... на пятнадцать суток,
А самому за этот промежуток
Стихи о чести начертать в тетрадь,
Чтобы нехватка жизненной отваги
Восполнилась хотя бы на бумаге?

Да, мудрый Пушкин видел их насквозь.
Он знал: ничтожны эти человечки,
Он изучил коварство их и злость
И все ж пришел на берег Черной речки —
Сразить врага шль бездыханным пасть...
Так честь велела. Так велела страсть.

Он, как гривастый африканский лев,
Пустыню потрясавший громом рыка,
Был полон жаждой мщения великой
И не пытался усмирить свой гнев.
Жандармы, царь, повадки их шакальи
Пред ним в едином образе предстали.

И мог ли он, в ком клюкотала кровь,
Благоразумно сберечь свой гений,
Предать себя, предать свою любовь,
Чтоб удлинить собрание сочинений?
Чтоб к бронзе прирастить еще вершок,
От мщенья отказаться?.. Нет, не мог!

Да, он, поэт, велик и потому,
Что высшей совести и страсти целью
Был верен неизменно, безраздельно,
И это не перечило уму,
Что он, премудрый, взрывчат был, как порох...
Вот почему тебе и мне он — дорог!

Любовь его, как солнечный восход,
Воображение согревает наше.
И тот, кто сомневается в Наташе,—
Не сторону ль Дантеса он берет?..
Ведь Пушкин верил ей, идя к барьеру...
Кто ж смеет посягать на эту веру?..

Мой юный друг, и я скорблю о том,
Что страшная свершилась катастрофа...
Хотел бы я, раскрыв любимый том,
Увидеть там нечитанные строфы
И знать, что Пушкин дожил до седни —
Счастливым муж, спокойным семьянином...

И все ж пред миром Пушкин не в долгу.
Суровым судьям я его не выдам!
Нет, гения винить я не могу,
Что он, земным подверженный обидам,
Метался и страдал куда лютей,
Чем ты да я, чем тьма других людей...

Он пал в борьбе с тупой жестокой силой,
И смерть его — поверь! — прошла не зря:
Она для нас навек соединила
Чеканный ямб с бесстрашьем бунтаря —
Затем, что слиты и друг в друга впеты
Стихи поэта и судьба поэта.

Чудо Пушкина

Несутся годы без оглядки...
"Постойте!" Нет, не постоят,
Не пощадят... Играют в прятки,
Посмотришь — стало шестьдесят!

Мне б снова юности темного!
Хоть миг ее вернуть хочу!..
Но, видно, нет такого бога,
Какому это по плечу!

Но Пушкин есть... Без изменений —
Свежа кастальская струя!
Что бог не может — сможет гений,
Он чудеса творит шутя.

Уж сколько б лет ни пабежало,
Он тронет палочкой своей,
И вновь кипит задорно, шало
В душе веселье юных дней,

Вернешься вповь в такую пору,
Где каждый в будущее вхож,
В ту сказку светлую, в которой
Ты вместе с Пушкиным живешь...

...За то, что милостью поэта
Ты на мгновенье, может быть,
Почтенные забудешь лета,
Тебя кто смеет осудить?!

* * *

О, Пушкин!

Над его строкою
Задумавшись в которой раз,
Вдруг открываешь в ней такое,
Что прежде пряталось от глаз,

И в просветлеенье, в озаренье,
Как под магическим стеклом,
Вдруг осознаешь измененья
В своем уме, в себе самом.

Полет души, кипенье крови,
Что раньше были не видны,
Глазами Пушкина уловишь,
Поимешь до самой глубины.

И, богом став, представишь зримо,
Что было скрыто от людей:
Как близился неотвратимо
Он, Пушкин, к гибели своей.

И, горе страшное предвидя,
Как в настоящем,— там, в былом, —
Замечешься в глухой обиде,
Беспомощный в борьбе со злом.

Ты перстерпишь все страдашья,
Как тот, кому однажды в ночь
Открылся клад всепониманья,
Которым людям не помочь.

Ты будешь мучиться жестоко,
Как некий злополучный бог,
Тот, кто свою зеницу ока,
Все зная, убережь не мог.

Тимус

Когда я был наивней, был моложе
И черпал опыт из хороших книг,
Был очарован я одной из них,
Она звалась — "Шагреньевая кожа"...
Что, вспомнили?... Да, волею Бальзака,
Обрывок кожи, скромный лоскуток
По первому намеку или знаку
Исполнить каждое желание мог,
Но кожа всякий раз хотя б на малость
В размере уменьшалась, чуть сжималась,
И когчилась... А с нею жизнь того,
Кого прельстило это волшебство.

Когда я был моложе, — я беспечно
Не придавал значенье чудесам.
Я говорил — добыюсь удачи сам,
Своею волей и трудом, конечно!
Сам, только САМ добыюсь своих свершений,
Без выдумки красивой, без "шагрени"!

Без "выдумки"?.. Но я, не так давно,
Узнал и повторяю без опаски,
Что есть "рациональное зерно"
В красивой, будто выдуманной сказке, —
Есть железа, вам скажет врач любой,
Она зовется по-латыши — "тимус",
Она с микробами вступает в бой,
Едва придет к тому необходимость,
Но тимус убывает каждый день —
Ни дать ни взять — Бальзакова шагрень!

Внутри себя свой смертный приговор,
Не ведая того, мы сами носим.
Иссякнет тимус, и падёт топор...
Ну, что ж, мы о пощаде не попросим:
От мудрого слышал я старика,
Что участь долгожителя горька!

Чем будешь услаждаться на земле,
Когда последний друг уйдет далече?..
Представь себе: бредешь один во мгле,
Вокруг тебя звучат чужие речи,
Жизнь непоятная шумит вокруг,
И некого спросить: — А помнишь, друг?..

Нет, не хочу!..

Пусть в мире много дел, —
Жить на земле нам не годится вечно!
Природа, жизни положив предел,
Ей-богу, поступила человечно!

Гоголь в парке Саки

Курортный парк. Тенистый пруд...
Я вас припомнил снова,
И снова, кажется, всплывут
Видения былого.

Каштаны свечками цвели
В тот вечер в парке Саки,
Звенела музыка вдали
И таяла во мраке.

Скрипичный заглушая звук,
Лягушек пели хоры.
Под этот звук вступали в круг
Курортные танцоры.

Вилась людская череда
Во всем многообразье:
Все те, что прибыли сюда
Лечиться местной грязью...

Но среди эстошцев и бурят,
Украинцев, калмыков
Фигуры странные сквозят,
Они — из лупных бликов...

Я вижу: из пруда всплыла,
Вся точно из тумана
Иль из прозрачного стекла,
Утопленица-панна.

А следом движется легко
Рой дивчин черпоглазых,
О них нам пасечник Панько
Повествовал в рассказах...

Пусть мне в искусстве далеко до вас,
Могучие!..

Но в жизни я не раз
На плечи поднимал такую тяжесть,
Что, может, и Атланту неподым,
И вот, перобким голосом своим,
На равных с вами говорить отважусь!

Бессмертными создателями светясь,
Вы на земле остались и сейчас,
Но все ж по опыту вы были дети,
И я, живущий на земле пока,
Я старше вас не то что на века,
А, может быть, и на тысячелетья!

Пусть был ваш век и сложен, и велик, —
Вы космоса не знали грозный лик,
Вам судьбы наши невообразимы:
Фашистское вас не касалось зло,
И ум, и сердце вам не обожгло
Проклятье огненное Хиросимы.

Ту боль, ту радость, что открылись мне,
Вы не видали даже и во сне.
Из вымысла вы создавали слово,
А я... я недостачу мастерства
Тшусь возместить, пока душа жива, —
Перензбытками пережитого.

* * *

Дружнице, послушай меня,
Поэта, жившего под стражею:
Живи, других не бременя,
Не становись ничьей поклажею.

Весь опыт жизни говорит:
Порой и вычное животное
Поклажу сбросить норовит,
Цена движение вольготное.

В себе лишь силы находи —
Бог в помощь путнику усердному!
Надеясь на себя, иди
По времени немилосердному!

* * *

Внимательнее, зорче год от года
Смотрю в себя, в привычный круг земной,
И отраженье Вечности — Природа
Иною предстает передо мной.

Волна Грядущего, волна Былого
Теснят
и, подступая с двух сторон,
Того гляди, вернут меня в основу,
С которой я рождением разлучен...

И снова кану я в извечный, чудный
Поток, в котором некогда возник.
И радость скрытая растет подспудно,
В душе вскипает, как живой родник...

И счастлив я, что с крохотной частицей,
Еще не оторвавшейся вполне,
Природа может мудростью делиться
И тайну приоткрыть частице — мне.

К солнцу

И пусть, подобно прочим тканям,
Износится живая тканьь
И все мы в неизвестность канем,
Перешагнув земную грань, —

Пока живу, пока могу я, —
Смотрю на солнечный восход.
И предо мной, как я, ликуя,
Мир оживленный предстает.

Все тело омывает свежесть...
Встречая раннюю зарю,
Я вместе с нею миром тешусь
И "Здравствуй, солнце!" говорю.

И, право, большего не надо,
Чтоб горечь дней, любой удел
Я принимал бы, как награду,
И ни о чем не пожалел!

Дари, о солнце, мне алмазы!
Спеши, не пропускай ни дня!
Ведь после смерти
ты ни разу
Всходить не будешь для меня!

* * *

В тот день, когда я не увижу дня,
Я верю, сокрушаясь и стеная,
По-матерински примешь ты меня,
Вберешь мой прах, Калмыкия родная!

Явился я безгрешным в твой предел.
Безгрешным — с небом встретился лучистым,
И попрощаться я с тобой хотел,
Калмыкия моя, таким же чистым.

Намеренно не совершал я зла,
А если согрешил неосторожно,
Ты — так великодушна, так светла —
Прости меня, Отчизна, если можно!

Завещание

Где б, какими пути мои ни были,
По чужой ли, по нашей земле,
По железной дороге, по небу ли —
Ты со мною — всегда, ты — во мне.

Нарастают пространства великие,
От тебя я безмерно далек,
Но внезапно лик твой, Калмыкия,
Точно малыи блеснет огонек.

И горит в уме, разгорается
Огонек, чуть видный сперва,
И душа моя согревается,
Накипают, зреют слова.

И, путями разными следуя —
На лету, на шлаву, на ходу, —
Завожу с тобою беседу я,
Разговор беззвучный веду...

Пусть не раз ты смерчами песчаными
Застилала солнечный свет,
Пусть пугала не раз буранами,
Заметала поземкой след,

Пусть заботой суровой смолоду
Наделила на все года,
Жгла, терзала муками голода,
Справедливой была не всегда, —

Все ж меж чуждых гор, меж столицами,
В распрекрасном любом краю
Без тебя — к кому притулиться мне,
С кем тоску утолить мою?!

Тяжесть мук моих, когда надолго
Разлучен был с тобой судьбой,
Превратилась в легкую радугу,
Только встретился вновь с тобой.

В те года, когда, горе мыкая,
Думал: кто б пожалел меня?
Не к тебе ль я взывал, Калмыкия?..
Ты во всех несчастьях — броня!..

А разлука наступит вечная,—
Верю я!— о смерти моей
Ты зашлачешь, хоть не был, конечно, я
Лучше всех других сыновей.

Но за то, что вдали, незримая,
Окрыляла мой каждый стих,
Будешь ты вспоминать, любимая,
Обо мне, о песнях моих...

В пору ясную, в пору грозную,
Будь то солнечно иль темно,
В ночь ли звездную иль беззвездную
Было небо у нас одно.

Пусть огромна земля, которая
Всем нам — родина с первых дней,
Но всегда был моей опорой
Лишь один уголок на ней.

Поздним вечером, ранней зорькою
Лишь тобою душа полна,
Моя сладкая, моя горькая,
Небом данная мне страна!..

Так шуми, цветы степью, нивою,
Белый свой расширяя путь!
Благодатною и счастливою,
Навсегда живою пребудь!

ИЗ ИНДИЙСКОЙ ТЕТРАДИ

Махатма Ганди

Без рубахи, высохший и строгий,
В зимний холод или в летний зной,
День и ночь идет он по дороге
С ношею нележкой за спиной.

В утренних лучах, в вечерних росах
Двигается размеренно вперед,
Опираясь на дорожный посох,
Он — Махатма Ганди — вдаль идет.

Он идет своей походкой скорой,
Должен он в Грядущее пройти,
Океаны, облака и горы
Перешагивая на пути.

Крепнет воля в изможденном теле, —
Что нам плоть, когда душа сильна?!
Он идет по направлению к Дели
Через годы, через времена...

Он идет, костлявых плеч не горбя,
По пескам горячим босиком.
За его спиной — в истертой торбе
Индия вместилась целиком.

Он шагает по дороге — гляньте!
Взор его горящий не потух...
Я спросил его:

— Махатма Ганди,

Кто вы?

Человек вы или дух?

Если дух, что ж к людям неустанно
Ваши обращаются труды?
На троне истории — песчаной —
Ваши не стираются следы?!

Если ж — человек... Зачем, отважась,
Вы, чьи мысли рвутся в вышину,
Взяли на спину такую тяжесть —
Индию — огромную страну?!

И громаду эту неуклонно
К свету увлекаете вперед,
Без единой жалобы и стона
В муках тащите из года в год.

...Опершись о посох деревянный,
Ганди приостановился вдруг.
Видно, вдумался в вопрос туманный,
Улыбнулся ласково, как друг.

И пропал...

На месте тени тощей,
Смуглого лица, горящих глаз
Я увидел пальмовые рощи,
Синева густая пролилась...

Индия... Тепло и человечность...
Въяве было мне разъяснено:
Ганди с Индией всегда — одно,
Их друг с другом уравняла Вечность.

Краски Рериха

— Краски Рериха! — вскричал Гагарин
В космосе, не терпящем длиннот,
Потрясенным сердцем благодарен
Красоте, что перед ним встает...

Вспомнил я гагаринское слово
В комнате прекрасной и простой,
Где меня мудрец белоголовый
Принимал с такою добротою.

С кротостью, сияющей во взоре,
Он следил, чтоб не смутился гость
За столом радушным — в Бангалоре,
Где недавно быть мне довелось.

Я не то что слова, даже знака
Упустить боялся у стола.
Вдумчивая, тихая собака
У колен художника легла.

И как будто приняла участие
В сдержанной беседе двух людей,
Молчаливо подтвердив согласие
С тем, что вложит в слово чародей,

На него почтительно взирая,
Не спуская глаз с его лица,
Думал я, как ценят в нашем крае
Труд его и труд его отца,

Что обоих Рерихов созданья
Оттого так дивно хороши,
Что прошли сквозь красочные ткани,
Сквозь гармонию большой души.

Кто поймет — как происходит это,
Как художник ловит на лету
Путь лозы, что устремилась к свету;
Взмах крыла, пробивший высоту.

И являет так, что все поверят
В мировое кровное родство...
...Вспомнил я, что человека мерят
Мерою потребностей его.

Мальѣи ум, кому сродни беспечность,
Ценит жизнь, когда она близка.
Ум Великий осязает Вечность,
Мысль его летит через века,

Утверждая наших душ причастье
К травам, птицам — ко всему тому,
Что питает нашу веру в счастье,
В то, что солнце одолеет тьму.

...Вижу я на будущей картине —
Хоть ее пока в музеях нет —
Тот оранжевый, блаженно-синий
Окрыленный рериховский цвет.

На картине?.. Нет! Я вижу чудо:
Гений — не цвета, не колорит,
Не пейзажи, даже не этюды, —
Кистью он грядущий мир творит.

Этот мир взовьется — светозарен,
Сотворен из всех живых пачал —
В космос, чтобы будущий Гагарин
Там его неожиданно повстречал.

В тени дерева бо

В Индии, где древо бо, как чудо,
На бхопальской расцвело земле,
Где впервые предавался Будда
Размышленьям о добре и зле,
О междоусобном их боренье,
Вековечном, как само творенье,

Стал я в тень — у полога густого, —
Где в ладонь казались толщиной
Листья дерева того святого,
Что возшло до неба надо мной,

И, как будто уподобясь Будде,
Я решил тогда поразмышлять:
Что есть пища, одеянье, люди,
Что есть брат, любимая и мать?

Вдруг в душе возникло ощущение,
Будто древо бо, его листва,—
Лишь двойник иного существа,
Молодого Будды воплощенье,
Вот я втянут в некое вращенье,
Вот я самому себе дивлюсь:
Я былиночкою становлюсь!

И, природы царь высокомерный,
Чудным дуновением влеком,
Вдруг освободился я от скверны,
В новой плоти я порвал со злом.

Так почувствовал я озаренье,—
Прежней тяжести телесной нет,
Словно духа вольного паренье
Даровал мне милосердный свет.

Жизнь мудрей, чем самопогруженье,
И такую мощь в себе таит,
Что в своем загадочном движенье
Все живое заочно творит.

Читая Ганди

На Родине, где угнетенья нет,
Где не терзают совести укору,
Где голод побежден на много лет,
Где у тебя есть посох для опоры,—
В движенье вечном доживать свой век,
Благословляя это состоянье,—
Чего еще ты хочешь, человек?
Какие могут быть еще желанья?
А коль еще желанья томят —
Остерегайся! Ненасытность — яд.

Письмо на пальмовом листе

Локешу Чандра

Когда часов еще не знали и бумага
Была еще не изобретена,
На пальмовом листе — всем нам во благо —
Чертили наши предки письмена.

Пространства на листе совсем немного:
Два-три понятия — и места нет!
И потому придирчиво и строго
Слова для сообщения брал поэт.

Теперь часы — у всех... Но почему-то
Не стало времени...

Бумаги — тьма!

Но вдруг взгрустнешь о днях, когда столь круто
Ценилось слово — этот "конь ума".

Как мне милы собрания, в которых
Листы-послания лежат еще пока!..
И как я счастлив, что не только порох,
Но и письмо дошло к нам сквозь века!

* * *

"За то, что светом и любовью
Нас полнит молоко коровье
С рождения и до седины,
Как мать, чтима неизменно,
Корова в Индии священна..." —
Учил меня поэт один.

Все это было в центре Дели.
И в тот же миг на самом деле
Свет заслонил коровний глаз!
И вот, костлява и безброва,
Сама священная корова
Прошла, шатаясь, мимо нас.
Прошла — святилище печали,
Лонатки круглые торчали
Сквозь кожу с метами слепшей.
И непонятно сердце сжалось...
Толпа спящая распалась
И расступилась перед ней.
Мой друг смущенно отвернулся.
Я вдумался и содрогнулся
Заложешному испокон:
Слепа от пустоты и жажды,
Вот так и мать уйдет однажды!
Я отвернулся, как и он...

* * *

Хльпул ливень предрассветний,
И каймою семицветной
Восняла высота.
Снова даль глазам открыта,
А душа дождем омыта,
Вновь мечта — светла, чиста...

Вижу я, что берег гладкий
Испещрили отпечатки
Маленьких, прелестных ног.
Да продлится это чудо!
Следом поспешу, покуда
Океан их смыть не смог.

Но смотрю я виновато:
Признаюсь, в одну из статуї
Я вчера влюбился вдруг.
Девушка стоит немая,
Косы-мрамор отжимая
Мрамором прозрачным рук...

А сегодня с нею рядом
Ты стоишь... Лучистым взглядом
Смотришь вниз, перед собой
Созерцая переливы
Раковины прихотливой,
Той, что выбросил прибой...

Лучших два произведенья
Рядом, словно для сравненья,
Показали два творца,
Мол, любуйтесь неустанно
И сравните оба стана,
Оба нежные лица...

О природа! Мастер-Гений
Бесконечных превращений!
Я судить тебя посмел
В день, когда ты с полной силой
В юной женщине явила
Всех возможностей предел!

Может, я судья пристрастный?
Но земля и небо властно
Объявляют мне в ответ,
Что они со мной согласны —
Краше женщины прекрасной
Ни картин, ни статуї нет!

* * *

Ласкающие волны океана,
Поглаживая, обнимают нас:
Тебя, что из Грядущего неожиданно
Ко мне, в Сегодня прорвалась, смеясь.

Меня, кто, Настоящее минуя,
Из Прошлого рванулся к счастью вдруг, —
Вот в эту почь — индийскую, парную...
Нас двое здесь... И — никого вокруг.

Луны голубоватой переливы .
Я в сердце благодарном берегу,
И два пустые стула, сиротливо
Нас ожидавшие на берегу...

Ночь, океан и псба бесконечность —
Все то, что создало в этот миг
Желанную сияющую вечность,
Высокий жизни свет
из нас двоих.

* * *

Под пальмою индийским душным днем
(Я вспоминаю трепетно и жадно)
Из одного ореха мы вдвоем
Сквозь две соломки тянем сок прохладный.

Я глаз не отвожу от ваших глаз,
И воля с волею в одно слилась.

И кажется в блаженный этот миг —
Мы утоляем в медленном глотанье
Не жажду тела, — жажду душ своих,
Достигших здесь желанного слиянья.

* * *

Свернувшись в мягкий шелковый клубок,
Котенком умудрившись притвориться,
Мое Желание
у ваших ног
Мурлыкает, — хоть рождено тигрицей.

Щекочет коготками вас легко
И, не внушая никакой опаски,
Пьет с ваших рук парное молоко
Невинной, дружелюбной вашей ласки.

Оно пока не причинит вам зла.
Но все же, друг мой, будьте наготове:
Его отнюдь не кошка родила,
Оно — тигриной, хищнической крови.

И эта кровь — нет-нет вскипает в нем,
Стучит в виски, горячая, густая,
И тяжелеет в жилах с каждым днем,
Наследственную силу обретая...

Зубочки превращаются в клыки,
Вот-вот вошьются в горло безотказно,
Подобны крючьям стали коготки,
Подобны крючьям твердости алмазной.

— Остерегайтесь! — крикнуть я готов. —
Коварной безобидности не верьте!.. —
Но вспомни вдруг, что вы — сама любовь.
И, как любовь, — не подлежите смерти.

Голубое сари

Дневных небес ликующих клочок,
На нем — созвездья в грустной светозари...
Струистый шелк твой стройный стан облек:
Ты завернулась в голубое сари.

Дневную радость, ночь во всей тени
Твои глаза лучистые вобрали,
И вот на все живущее они
Шлют радости волну, волну печали...

И солнца блеск, и грусть ночных светил
Тем, кто вокруг, даруешь ты без счета,
Но тот, кто только радость уловил,
Вглядясь, пайдет в ней горестное что-то.

И горести познавший существо
Поймет, что сладости оно дороже...
"Откуда горе?— спросит,— от кого?"
И только он узнает — от кого же,

Он жизнь свою благословит опять
И будет горькой горестью гордиться
И неустанно имя повторять:
"Да светится оно!" и "Да святится!".

Небес дневных лазурных торжество
И звезд ночных печальное круженье —
Все переливы сари твоего —
Живой твоей души отображенье.

Не знаю, что,— печаль во всей красе
Ты мне подарить?.. Иль — не верю!— счастье?
Но я даю,— да слышат это все!—
На дар любой даю тебе согласие!

П О Э М А

Убийство в церкви

*И голос был сладок, и звук был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.*

А. Блок

1.

На закате дня, когда свинцово
Сумерки на землю опускались,
Нас, приговоренных к долгим срокам,
Лириков, священников, воров,
Обреченных на этап, собрали
В деревянной церкви в Барнауле.
Не отапливался Божий храм,
Было душно, холодно и шумно,
И в тяжелом шуме мы искали
Тех, с кем познакомиться успели.

В углублень над высокою дверью,
Арестована в железной клетке,
Тускло, грязно лампочка мерцала.
В этой полумгле своих знакомых,
Напрягая слух свой, мы искали
Не по облику — по голосам.
Согнанные из различных камер,
Мы впервые оказались вместе
После вынесенья приговора
И своих подельников искали.
Мы узнать хотели, как себя
На суде подельники вели
И какие сроки получили.
Тот, кто здесь не находил знаконца,

Спрашивал соседа: где родился,
Как зовут его, и по какому
Делу взят, и по какой статье
Дали срок — и крепко с ним сближался.
Чтоб не оставаться одному,
Потому что одному остаться
В этом сплюшияке многоголовом —
Тяжко, очень тяжело, да и страшно.

Только вор, что много лет в "законе",
С гордой обособленностью смотрит
И выскрывает жестким глазом
Корешей — таких же, как и он,
Связанных "законом", а на прочих
Он пренебрежительно глядит,
Словно волкодав на мелких мосек,
Словно князь на крепостных бесправных,
И тюрьма ему — родимый дом.

Я, в тюрьме пробывший больше года,
Я, усвоивший ее уклад,
Двадцатитрехлетний офицер,
Не утративший политрука
Хорошо подвешенный язык, —
Никому не уступлю я, сдачи
Дам любому, хоть и ослабел
От безвкусовой, скудной, жалкой папки, —
Я пока еще причислен к сильным,
Опытный тюремный старожил.
Обнаружил я пяток солдат.
Стали мы расспрашивать друг друга:
Где, мол, воевал, с какого фронта
Взят в тюрьму, — и каждый называл
Имена известных генералов,
Словно был их другом закадычным.

Сделались мы близкими, как будто
Родились в одной семье, — кто русский,

Кто калмык, не различали мы.
Радовались, что нашли друг друга,
И решили мы держаться вместе.
Ты, читатель, мне поверь, что радость
И в тюрьме бывает, и в тюрьме!..

Стали мы устраиваться в церкви.
Вот и улеглись мы поудобней,
Положив под головы шинельки
Рваные, в каких-то грязных пятнах,
Словно брата брат, обогревая
Теплой кровушкой своей друг друга.
Доносился к нам со всех сторон
Дробный, долгий шепот. Наконец
Все затихло. И хотя до боли
Веки я смыкал, — не мог заснуть.
Видно, место новое, как шило,
В сон вонзалось и его пугало.
Наполняют голову былое,
Нынешнее, будущее... Грозный
Приговор торчит перед глазами:
"Десять лет". Пытаюсь о другом
Думать, по тяжелый приговор,
Крысой обернувшийся церковной,
Нагло, жадно душу мне грызет:
Боже, за какое преступление,
Воину, мне дали десять лет?
Неотступно предо мной стоят
Бедные калмыки. Мой народ
Душу истерзал мою, мой разум.

Год сорок четвертый. Лето. Фронт.
Вдруг приказ армейский: проклят я,
Потому что калмыком родился.
Измерял я в мыслях, проверял
Правоту, неправоту свою.
Усомнился в первый раз тогда

Я в незыблемом вожде народов,
В первый раз о нем подумал худо.
Размышлял в тревоге и в волнении:
Нет, не Ленина он ученик!
Кто поймет, кто может согласиться
С тем, что я лишь потому, что был
Матерью калмыцкою рожден,
Должен стать одним из прокаженных,
Человеческих лишиться прав
И важнейшего из прав — свободы.
Здесь, в стране свободы, здесь, в стране
Братства нерушимого народов,
Должен быть судьбою без вины
Я преступника тавром клеймен.
Даже тот, кого я с детских лет
Почитаю, словно божество,
Назовись он даже Карлом Марксом,
Если скажет он, что должен я
Быть в своем отечестве изгоем, —
Даже тот отвергнут будет мною,
Я начну искать другую веру,
Даже если кончу жизнь в аду.

Если бы я кражу совершил
И свое бы опозорил имя,
Мог бы я надеяться на то,
Что исправлюсь, осознав вину,
Снова стану честным человеком.
Если б струсил я в бою, сбежал
И свое бы опозорил имя,
Если бы попал в штрафную роту,
Я сгорел бы на передовой,
Кровью я свое омыл бы имя,
Чтобы солнцу радостно молиться!
Но освободиться я могу ли
От того, что родом я калмык?
Как найду я способ изменить
Цвет моеї калмыцкой желтой кожи?

Погоди, поэт, не торопись.
Разве ты, нища другую долю,
Хочешь уподобиться козлу,
Что завидовал судьбе верблюда?
И пока метался я без сна
И в душе моеї растил надежду,
Что развеет время зло и гнет,
Мною неожиданно, мгновенно
Овладела дрема и закрыла
Полные тоски мои глаза.
В заблудившуюся мысль мою
Ринулась толпа видений смутных,
И одни старались оттолкнуть
Прочих, споря с ними из-за места.

2.

Увидал отчетливей, яснее:
Сталин высится на мавзолее,

Окружен соратниками, вождь
Мне являл величье, славу, мощь.

На него смотрю не пошная:
Это праздник Октября иль Мая?

Кто соратники? Не разберусь.
А внизу, подъявля тяжкий груз,

Ленин возлежит, Ильич любимый,
Он под тяжестью невъзвешенной

Стонет, обхватив одной рукой
Камни Спасской банши, а другой —

Вечного Блаженного, и, строгий,
В Боровицкие ворота поги

Упирает... Деяь звенит, поет.
Сталии свойй приветствует народ,

Руки вверх ладонями вздымая...
Из сибирского приехав края,

Рядом с ним, отцом родным, стою.
Я ему открою боль свою.

Расскажу ему о муках наших,
О злодеях, нас в Сибирь угнавших,

Сердце от тоски освобожу,
Обо всем вождю я доложу,

О напастях расскажу великих,
Об уничтожаемых калмыках.

Верю, что известнейй всеей стране
Молотов окажет помощь мне,

Старичок с своей бородкой клином,
Мне поможет дедушка Калинин,

Берия, что видит все насквозь,
Что другим и видеть не пришлось,

Скажет, удручен моим рассказом:
"Да, ты прав. Мы все исправим разом".

Литераторов сердечнейй друг,
Мне, поэту, улыбнется вдруг

Жданов, не сочтя меня невеждой!
Вижу всех я думаю с надеждой:

"Истинные ленинцы они,
Все стоят за правду искони,

В гневе истребят они напасты,
Возвратят моим калмыкам счастье!"

Мудрый вожь народов мне кивнул,
А потом на Берню взглянул.

"Холодно мне", — так ему сказал он,
А сказал, как будто приказал он.

Берия спросил меня: "Мой друг,
Слово Сталина вошло в твой слух?"

Тут его пенсне блеснуло странно,
Острый нож достал он из кармана,

Лезвием, как мастер-брадобрей,
Головы коснулся он моей

И, не тратя времени впустую,
Кожу с головы моей живую

Тщательно и ловко он совлек, —
Так спимает женщина чулок, —

И надел на плечи корифея,
Улыбаясь и благоговей.

Вожь, моею кожей обогрет,
На Калипиша, как сердцевед,

Посмотрел, участливое слово
Произнес: "Твоя жена здорова?"

К Молотову, весел и щербат,
Обратил он свой лукавый взгляд,

Я же, происшедшим пораженный,
Даже кожи собственной лишенный,

Так вздохнул, что мнилось: мавзолей
Дрогнул всеї громадою своеї.

Слыша, как скорбит душа больная,
Чуткий Ленин, мышцы напрягая,

Силился стряхнуть с себя людей,
Попиравших этот мавзолей,

Но его усилья были тщетны, —
Видно, час не наступил завстыий.

А себе шептал я: "Погоди,
Правда и победа — впереди".

Вдруг от Сталина, от кучки грозной,
На меня нахлынул пар морозный,

И без кожи, голого меня
Он обжег, как вспышкою огня...

3.

Я проснулся, ужасом объятый:
Ведь страшней действительность была,
Чем кошмарный сон. Заснувший может
Пробудиться, а в тюрьме как быть?
Лишь покончить может он с собою.
В православной церкви, иноверец,
Я не в первый раз. А в первый раз,
В день, когда из Харькова пропали
Извергов советские солдаты,
Нам израненный открылся храм
Близ вокзала. И священник русский
По-отцовски нас позвал, рукою
Указал, куда нам лечь. Устали
После боя, сладко прикорнули

На полу. Сквозь дрему видел я,
Как сияли мне чужие Боги,
Ласковые, как бурханы наши,
Навевая дивные картины...

Вот и пробужденье в пересылке.
Сны друг другуверяют зеки,
Бережно ведя свои рассказы.
"Предвещает торжество твой сон", —
Пожилой разгадывал мужчина
Светлый сон соседа молодого,
Будто Книгу Судеб прочитал.
Молодой, разгадкой ободренный,
Верил: скоро выйдет он на волю...

У дверей дубовых и высоких
С двух сторон стояли две параша,
В Божьем храме вонь распространяя.
Люди, мучаясь, дрожа, толпились
В очереди к этим двум парашам,
Пристально друг другу в спины глядя.
Были и такие, что считали:
"Делать это дело в Божьем храме —
Тяжкий грех", — и утирали слезы.
"Мы теперь не в церкви, а в тюрьме, —
Молодого поучал старик. —
Нет, пред Господом мы не виновны:
Церковь оскверняет то начальство,
Что сюда загнало нас и церковь
Превратило в каторжное место".
Вдруг я слышу страшные слова:
"Значит, две зловонные параша
Наполняет Сталин, а не мы".

Я почувствовал испуг привычный:
Если слово брякнешь, не подумав,
Новый срок ты можешь схлопотать,

Как и первыи, без вины. Нередко
Стукачи, из сердца жалких зекон
Вытянув какие-то слова,
Органам доносят, правду с ложью
Смешивая. Сам ты говорил
Или услышал и не донес —
На тебя опять заводят дело,
А уж коли дело завели —
По законам тех военных лет,
По любой статье (а часть вторая),
Десять лет тебе вторично влепят.

Чудные мечтанья, что возникли
В головах Маздака, Кампанеллы,
Марксом обосновавшие прочно,
Развитые их учениками,
Надо было в явь преобразить.
Но, чтоб стал социализм реальным,
Здесь, в одной стране, задумал Сталин
Напитать его живою кровью,
Проволокою оцепить наш Север
И, начав от Соловков недалеких,
Вылоть до Беломорского канала
И далеких Колымы, Норильска
Мрачное строительство раскинуть,
По законам классовой борьбы,
Гением-семинаристом нам
Явленным, не исключив из плана
Ни единый город и село,
Ни единый из народов братских, —
Всех за проволокой собирать
Для деяний славных граждан славных,
Чтобы их иссохшие тела
Стали шпалами для длинных рельсов
Социалистических дорог.

А еще была другая польза:
Устрашенного народа рот

Заперт был замком неотвратимым.
Мысль Шевченко в дело воплотилась:
Да, от молдаванина до финна
Всё молчит, притом на всех языках,
Ибо благоденствует...

Православные из этой церкви
Ущести успели те иконы,
Что из поколенья в поколенья
Добрые миряне украшали
Золотом, камнями дорогими,
И укрыли в потайных местах.
Но остались образа на стенах,
И глазами величайшей скорби
На детей своих смотрел Христос.
Все они ему родными были.
И, казалось, говорит он людям,
Утешая нежными словами:
"Все вы те же муки претерпели,
Что и я, терпите их и дальше,
Ибо лишь терпенье даст вам силу
Долгие мученья одолеть".

Высоко у царских врат, где краски
От годов и сырости поблекли,
Отошли от дерева, свернулись,
Божья Матерь смотрит на меня
Ясными, печальными глазами,
И в себя грядущее вобрав,
Мне не говоря, — оно грядет
Или не грядет, — ребенок-ангел
Тайну вечную хранит и смотрит
На весь мир всеведующим взором.
"Он причастен тайнам", — так сказал
Блок, поэт-пророк, и у меня
В памяти слова не умирают:
"Не придет никто назад".

Те слова страшнее приговора,
Эту правду выстрадал поэт,
И она в душе моей трепещет.
На людей, разбившихся на кучки,
Я гляжу, твержу, себя не слыша,
Тихо: "Не придет никто назад",
Словно бы возмездье вековое
Возвещают мне слова поэта...

Час настал желанный: загремела
Дверь дубовая, и все мы в церкви
Вздрыгнули и уши наострили:
Вот начнут о глиняные миски
Ложки деревянные стучать.
Завтрак. Все мы в повара вперили
Жадный взгляд. А сам, хотя и зек,
Повар, как пачальник самовластный,
Высока глядит, держа половник,
На изголодавшихся, и в миску
Скучно наливает он баланду,
Лишь едва просеянную просом.
Если видит: человек-то свой, —
Вычерпнув со дна, ему побольше
Он водички сипей наливает.
Поработав, устает. Половник
Он помощнику передает,
Отойдя в сторонку, с неким вором
Он уединяется, руками
Горячо размахивает: вести
Сообщает своему дружку.

4.

Те, кто были сопраны сюда,
Прежде не молились никогда,

Но лучи таинственного света
Загорались в бывшей церкви этой,

И казалось нам: нездешний свет,
Из давнишних сплзшедший лет,

В полумгле сияет темно-серой.
Здесь дышала радостная вера

Посреди заплдевших стен,
Побеждая горе, муку, тлен.

Веру миллионов мы вдохнули
В деревянной церкви в Барнауле.

Те, кто были согнаны сюда
По суду иль даже без суда,

Те, кто скучивались, озирая
Адом ставшее подобье рая, —

Поняли внезапно: русский Бог
Ни одним из них не пренебрег,

С каждым цо-отцовски он горюет,
Каждому надежду он дарует,

Он жалсет в благости своей
Милосердья жаждущих людей,

Он благословляет их, как равных, —
Мусульман, буддистов, православных,

Русский, иль калмык, или казах —
Одинаковы в его глазах,

Как бы говорит он: "Сбросит время
Полное обид и горя бремя,

Те, кто нарекли самих себя
Повелителями бытия,

Те, на коих смотрят все со страхом, —
Завтра станут пылью, станут прахом,

Те, кто неповинных ввергли в ад,
Лишь мгновению принадлежат!..”

И глядят апостолы, жалея
И безгрешного, и лиходея.

Вот баланды маленькую радость
В церкви заключенные вкусили,
Все рассказывают небывицы,
Но с доверьем слушают друг друга:
Не поверишь — значит, и тебе
Не поверят. Каждый утверждает, —
Даже тот, кто получил свой срок
Не по пятьдесят восьмой, — что здесь
Без вины сидит, по оговору,
По совету злему. А меж тем
Про себя все думают: “Без дыма
Нет огня, навряд ли просто так
Взяли... Вот меня — другое дело”.
Только одинаковость смущает
Приговоров: неужели все
Одинаково перед законом
Виноваты?..

В самом дальнем уголке, где выступ
Каменный лоснится, собрались
Те, кто почкой выюжною ограбил
Сберегательную кассу. Стали
Выяснять, кто заложил их. С бранью
За грудки хватаются, и каждый
Вор клянется: заложил не он.
Но один из них, видать, пахан,
Коренастый, щурясь темным взглядом,
Приказал, чтоб прекратили гвалт.

Мы усльпшали, как кто-то крикнул:
"Это все брехня! Брехня! Пустите!" —
Изо рта, откуда выпал кляп,
Хрипло вырывалось оправдапье.

Поцимали мы: сеіічас случится
Нечто страшное. Свою беседу
Прекратили мы. Чутьем звериным
Чувствовали: быть большой беде.
Церковь опемела. А бандиты,
Догадавшись, что мы слышим их,
Притворились, будто веселятся,
Друг на друга падают, сжимаясь
В плотное кольцо. Какую тайну
Прятали они от очевидцев?

Вдруг раздался в деревянной церкви
Вопль нечеловеческий, животный,
Будто под ножом свипья визжала.
Вслушивались мы в испуге. Кучка
Тех воров, как будто по приказу,
Дрогнула, распалась. Вслед за каждым,
Словно бы гналась за ним, бежала,
Широко разлившись, кровь. На шею
Мертвеца пока еще держалась
Голова. Был тряпкой заткнут рот.
Рядом — острая стальная бритва:
Утром передал ее пахану
Повар, и теперь она лежала
Удовлетворенная, что дело
Сделала свое. К нам подошел
С паглою усмешкою бандюга.
Он сказал, уверепный, что мы
Засвидетельствуем: "Наш чувак
Испугался каторжного срока,
Лютого сибирского мороза,
Бритвой оп..." И, словно шут, кривляясь,

Крупною рукой провел по горлу,
Не заботясь: верим или нет
Лжи его, — он знал, что мы боимся,
Что его слова мы подтвердим.

Здесь, в родной стране, где стар и мал —
Все объаты страхом волосатым,
Где не слову верим, а ножу,
Где угодливо смеемся там,
Где должны мы были б горько плакать, —
Скажем всё, что нам сказать велят,
Хоть на Библии заставят клясться,
Белое мы черным назовем.
Это понимали все бандиты,
Властелины лагерей и тюрем.

Разве тот, кто правил всей державой,
Потерявшей постепенно святость,
Как и эта церковь в Барнауле, —
Разве не был он паханом в маске
Полководца, мудреца, вождя?
Разве ножницы его усов
Не перерезали горло жертвы,
Чтобы в жадной пасти лагерей
Гнило обезглавленное тело?
Разве не заставил нас, дрожащих,
Руки поднимать одновременно
И одновременно опускать?
Разве, нашим наслаждаясь покорством,
Он народам не управлял
Точно так, как управляли воры
Нами, заключенными?

5.

Однако
Неожиданно для нас сегодня

Вдруг сопротивление возникло.
Тот, кто утром сон растолковал
Своего соседа, белоглавыи
С места встал старик, и без боязни
Вору-душегубу он сказал,
Голоса не повышая: "Знаю,
Это ты зарезал человека".
Рядом встал с бесстрашным стариком
Тот, чей сон разгадывал он утром.
Оскорбленным притворясь, воруга
Старца угрожающе спросил:
"Кто ты? И чего болтаешь, фрайер?"
"Я — священник", — отвечал старик.
Рассмеялся вор ему в ответ:
"Поглядите на него: вражина
Ошумом отравлял народ,
А теперь клеветает на меня,
Злясь, что я — советский человек".
Свой кулак он поднял здоровеньшии,
Но тот парень молодой, что рядом
Со священником стоял седым,
Подлого ударил в подбородок.
Вор, подпрыгнув, повалился на пол,
"Грех", — сказал священник белоглавыи.
Парень, оказавшиися боксером,
Ногу приподнял, чтоб вора пнуть,
Но его священник удержал.

Из толпы другой выходит парень:
Комсомолец с детскими глазами,
С головою золотой, как солнце.
После окончания уборки,
Собирая хлебные колосья,
Чтобы голодающим братишкам
Зернышки на зубы положить, —
Заработал срок, когда попался.
То, что здесь произошло, увидев,

Он затрясся в ужасе, и, словно
В приступе внезапном малярии,
Стало пепельным его лицо.
Он зубами клал в забытьи,
И, как бы очнувшись, подбежал
Он к дверям, руками и ногами
Стал он бешено стучать, крича:
"Ой, ратуйте, люди, убивают!"

Двери приоткрылись. Часовой
Показался. Парень, обезумев,
Оттолкнул плечами часового,
Ринулся на Божий свет. Ужели
Он в отчаянье решил бежать?
Или, впрямь рассудок потеряв,
Испугался: так сайгак в степи,
В трепете мистическом дрожа,
Убегает, испугавшись волка.

Но отменно службу исполнял
Часовой, как видно, полагая,
Что поступок смелый совершает,
Как боец на фронте. Пареньку
Безоружному, почти подростку,
Щуплюму, как будто по уставу
"Беи, руби, коли", как будто с рослым
Немцем он схватился в рукопашной,
Он прикладом, сделанным из дуба,
По виску нанес такой удар,
Что рассек он череп комсомольцу.
Тот упал. И кровь струею вверх
Из пробонны забила. Церковь
Деревянная завывла гулко.
Часовой позвал солдат на помощь,
Сам в дверном проеме он предстал
Перед заключенными, и трижды
Выстрелил он вверх. В проеме этом

Возвышался часовой, как в раме,
Заслоняя ясный день от зевов, —
Олицетворение судьбы.

”Если двинетесь, я всех на месте
Уложу. Ложись!” — он закричал
В страхе, в иступлении и злобе.
Кровь, разлившись ярко, покрывала
Пол цветным ковром. Упали зеки
На пол. Оказалось, что из трех
Выстрелов один попал в окно,
Два других две дырки просверлили
В голове Христа, как будто Бог
Палачом был предан новым мукам,
Будто, сострадав нам, Христос
Принял эти две безумных пули.

Выстрелы услышав в старой церкви,
Рота караульная поспешно
И победоносно окружила
Церковь. Роту возглавлял майор,
Тыловой вояка. Приказал
Быстро пулемет ”максим” поставить,
Всех способный за одно мгновение
Уничтожить. Стал давать команды,
Обнаружив мужество, майор...
Я подумал, лежа на полу:
”Многим операция такая,
Несомненно, принесет награды,
Боевые ордена украсят
Грудь нерастерявшихся солдат”.

Не они ли темной зимней ночью,
Пред рассветом, смело, без опаски,
Зная, что мужчины на войне,
Окружили ветхие дома,
Покосившиеся и в бессилье

За свою державшися степь,
И калек безногих и безруких,
Стариков, старух, детей и вдов
Оцепили и пошли в атаку
На моих калмыков-бедолаг.
Плачущих, кричащих — всех загнали
В желтые товарняки-вагоны,
Повезли в холодную Сибирь,
Половину мертвыми оставив
Посреди насильственной дороги.
За свое искусство полководца,
За героїство генерал Серов
Не дерьмом пожизненно украсил
Грудь свою, а удостоен был,
Выродок, награды наивысшей...
Памятные, темные года!

Те года, когда, цепляясь крепко
За ничтожное благополучье,
Грязное, ценою в три копейки,
Все святое отвергая, люди
Грубою дубиною расчета
Рассекали совесть, если вдруг
Голову поднять она решалась,
И свою оправдывали низость
Страхом и желанием спастись;

Те года, когда мешались местом
То, что было хорошо сегодня,
С тем, что было издавна дурным;
Те года, когда добро и зло
По значенью своему сравнились,
И не знали люди, что чему
Предпочесть: бессмертие души
Или краткое мгновенье плоти.
Вечность, как бы суть свою утратив,
Правоту вручив неправой силе,

Но, людеї покинуть не желая,
В горе все же реяла над ними...

В вытянутых утвердив руках
Пистолет "ТТ", вошел майор
В церковь и обжег нас беглым взглядом.
Глаз его белки перевернулись,
Лишь убитого увидел тело,
На полу распластанное. Сделав
Шаг назад, майор остановился
И застыл. Глазами за майором
Следуя, наткнулся я на труп,
Что лежал вблизи, — и поразился:
Оказалось, что богаче кровью
Человек, чем самый крупный бык...

6.

На войне — я видел — кровь хлестала,
Но земля ее в себя впитала.

Если ж струи красные текли
Не во имя правоты земли,

Их отталкивала твердь земная,
И темнела кровь, не высыхая,

Образ времени — сама красна —
В красный цвет окрасила она.

Мнилось мне, что в легкие солдата
Воздух я вобрал чуть розоватый.

Крови вкус почувял тяжело,
Мне казалось, что меня рвало,

Мне казалось: время, жизнь и разум —
Все от крови заалело разом!

Пулями израненный двумя,
Никого, казалось, не вины,

На меня Христос смотрел в печали,
Ибо люди веру потеряли.

Мне казалось: понимал Христос, —
Ибо сам он много перенес, —

То, что в наше время трудно стало
Веровать в разумное начало,

Но, как прежде, призывает нас
К вере в милосердьe в этот час,

К вере в свет добра неугасимый,
Потому что быть людьми должны мы.

Так. Но где же церкви благодать?
Муки заключенных как понять?

Как понять не знающих пощады,
Окруживших нас кольцом ограды?

Как понять майора средних лет,
Что на нас наставил пистолет?

Часовые — тоже Божьи дети.
Почему же я в минуты эти

В них друзей и братьев не нашел
И в меня "максим" нацелил ствол?

Исполняя времени веленье —
А его я чувствую давленье, —

Явь становится кошмарным сном...
Долго ль буду мучиться я в нем?

Не пора ль очнуться, разогнуться, —
О, как страстно я хочу проснуться!

.....

Ты узнал, читатель, прочитал,
Сколько лет я пробужденья ждал.

Содержание

Д. Кугультинов. Я обречен писать стихи... 5

С т и х и

"Когда бы, друг, на ум тебе пришло..."	
<i>Перевод Ю. Нейман*</i>	8
Девушка-джангарчи. <i>Перевод Я. Козловского</i>	10
Ночью в окопе. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	12
"О милая, ты, как весна, хороша..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	14
Высота. <i>Перевод В. Луговского</i>	16
Иду на суд. <i>Перевод В. Еременко*</i>	17
"Вас — множество, и вы, меня браня..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	19
Двадцать первых. <i>Перевод В. Еременко</i>	20
"Ребята, не пришедшие с войны..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	22
Устрашение. <i>Перевод В. Еременко</i>	23
"Я помню прошлое. Я помню..." <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	27
"Недугом выпит, став бескровной тенью..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	28
"Скончался мой друг..." <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	29
Солнце в Заполярье. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	30
Норильск, Норильск... <i>Перевод С. Липкина</i>	31
Цветы Норильска. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	32
"Там, где, водные сдвигая глыбы..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	33
Зов родного края. <i>Перевод Ю. Вронского</i>	34
"Приму ли ошибку за истину..." <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	35

*Четыре стихотворения,
написанные на русском языке*

"Нет, нет! Я вовсе не жалею..."	36
"Гармонию мелодий без звучаний..."	37
"Улыбкой ласковой привет..."	37
На день рождения.	38

Счастье и горе. <i>Перевод С. Липкина</i>	39
Чингис. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	40

Поют бездетные вдовы войны... Перевод В. Еременко*	41
Очищение. Перевод Ю. Нейман	42
"Мне нынче друг во сне явился снова..."	
Перевод Н. Матвеевой	44
Прошлое. Перевод С. Липкина	45
Слезы. Перевод Ю. Нейман	46
"Как бы ни было тягостно горе..." Перевод Ю. Нейман	47
Боль. Перевод Ю. Нейман	48
"Когда творить добро желаешь ты..." Перевод Ю. Нейман	49
"Когда бы все свои советы..." Перевод Ю. Нейман	50
Руки труженицы. Перевод С. Липкина	51
Золото матери. Перевод В. Стрелкова*	52
"Хороший человек не раз..." Перевод Ю. Нейман	57
"Сыграет умный..." Перевод В. Еременко	58
"Когда лютует злой мороз..." Перевод Ю. Нейман	59
"Если сильному по вкусу чья-то слава..."	
Перевод Ю. Нейман	60
"Приснились джунгли нынче мне во сне..."	
Перевод Ю. Нейман	61
Достоинство мужчины. Перевод С. Липкина	62
"Безрукый, под хмельком, тайком..." Перевод С. Липкина	63
"Бейте, люди, пестрых волков..." Перевод Ю. Нейман	64
"Случалось мне старцев-кальмыков..."	
Перевод Ю. Нейман	65
"Благодари верблюда и кося..." Перевод Ю. Нейман	66
Возраст. Перевод С. Липкина	67
"Ты красив и правдой обуян..." Перевод В. Еременко	68
"Жизни мира, длящейся вска..." Перевод Ю. Нейман	69
"В поблекшем парке городском..." Перевод Ю. Нейман	70
"На ветке гусеница вверх..." Перевод В. Стрелкова*	71
"Молчанье — золото..." Молва..." Перевод Ю. Нейман	73
"День-деньской кипя в житейской гуще..."	
Перевод Ю. Нейман	74
"Я знаю: вечного на свете нет..." Перевод Ю. Нейман	75
Когда оживает слово. Перевод Ю. Нейман	76
"Мать-Родина!..." Перевод Ю. Нейман	77
"Чтоб в небесную синь по весне..." Перевод Ю. Нейман	78
Слух Бетховена. Перевод Ю. Нейман	79
"Высокий Гёте..." Перевод Ю. Нейман	80
Зимою лютотой. Перевод Ю. Нейман	81
"Ушла зима. Достигнув торжества..."	
Перевод Я. Хелемского	83
"Ежевечерне в ясной вышине..." Перевод Я. Хелемского	84
Сказка. Перевод Ю. Нейман	86

Запахи весны. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	87
"Когда весна — медлительно, не сразу..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	89
Трава амуланга. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	90
Рыбак. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	91
"Душа человека беспечного..." <i>Перевод И. Лисцянской*</i>	93
"Зачем с запальчивостью молодую..."	
<i>Перевод С. Липкина</i>	94
Прозрение. <i>Перевод С. Липкина</i>	95
Несовместимость. <i>Перевод С. Липкина</i>	96
"Порою высокое смещию..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	97
"Когда разумный человек..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	98
"Когда я подвожу итоги..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	99
"В голосованье равнозначна роль..."	
<i>Перевод В. Стрелкова*</i>	100
"Мы смотрим вдаль с надеждою и верой..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	101
"Заслуженное слово — "Я"..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	102
"Минувшего нам очевиден путь..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	103
"Потоки славословий шумных..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	104
"Когда откроется случайно..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	105
"Не сердись на правдивое слово..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	106
"Премудрїи, бескорыстнїи и прямої..."	
<i>Перевод В. Еременко*</i>	107
"Природа остротою вещей..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	108
Лебеди. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	109
Комета Галлея. <i>Перевод В. Еременко</i>	110
Мої разговор с сусликом. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	111
В цирке. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	113
"Это связано жестко..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	115
"Осенний лист на длинном черенке..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	116
Арбуз калмыцких степей. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	117
"Могу ль усомниться, однажды изведав..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	119
"Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	120
"Когда средь степи одинок..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	121
Тополь. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	122
Смотрю на мир... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	124
Зерно. <i>Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова</i>	126
"Никто не помнит..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	127
"Жизнь на лицах вяжет узелки..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	128
"Отсвечивая блеском лака..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	129

"Как хорошо, что мир не из зеркал..."	
<i>Перевод В. Еременко</i>	131
"С утра поливал я деревья в саду..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	132
"Цветок в горшочке на окне..." <i>Перевод И. Лиснянской*</i>	133
"Когда я вижу, как цветок в апреле..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	134
"И я постиг, что музыка безмолвно..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	135
Женщина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	136
"Проходят мимо — парами, толпой..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	137
"Что ж, если Вы грустите о другом..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	138
"Когда в прекрасных ласковых глазах..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	139
"Когда иссякнут сил моих остатки..."	
<i>Перевод Н. Матвеевой</i>	140
"На облик неаглядный..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	142
"Люблю его!" — она сказала вслух..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	144
"Когда густой туман житейских мелочей..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	145
"Что было "до"? До дня, когда..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	146
"Еще не создавали свет..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	147
Свет женщины. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	149
"Лишь о тебе в безмолвии, впотьмах..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	151
"Нет пули смертоноснее, чем слово..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	152
"Опьянив меня с рассвета..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	153
"Как вчера, приоткрыл ресницы..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	154
"Трепеща, купаясь в тепле..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	155
"И безветренна даль и тепла..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	156
"Опять свершилось чудо..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	157
"Народные сказания чисты..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	158
Польпы. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	159
"Сквозь густоту ветвистой кроны..."	
<i>Перевод И. Лиснянской*</i>	160
"На гибкой черноте ветвей..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	161
"Насыщен воздух влагою ночью..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	162
"Везде, в любые времена..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	163
Дети на сцене. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	164
Дети переходят мостовую. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	165
Девочка. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	167

"Когда над плачущим ребенком..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	169
Мальчик. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	171
"Когда играю с детворой..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	173
"Кудрявѣй, на ножках точеных..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	174
"Зеленая, еще не колосится..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	175
"Когда я стоял, ушиваясь игрою..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	176
Поэт. <i>Перевод С. Литкина</i>	177
Пушкин. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	178
Чудо Пушкина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	181
"О, Пушкин! Над его строкою..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	182
Тимус. <i>Перевод Ю. Нейман*</i>	184
Гоголь в парке Саки. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	186
Гениям прошлого. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	188
"Дружище, выслушай меня..." <i>Перевод И. Лиснянской</i>	190
"Внимательнее, зорче год от года..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	191
К солнцу. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	192
"В тот день, когда я не увижу дня..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	193
Завещание. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	194

Из индийской тетради

Махатма Ганди. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	197
Краски Рериха. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	198
В тени дерева бо. <i>Перевод С. Литкина</i>	200
Читая Ганди. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	201
Письмо на пальмовом листе. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	202
"За то, что светом и любовью..."	
<i>Перевод В. Еременко</i>	202
"Хлынул ливень предрассветный..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	203
"Ласкающие волны океана..." <i>Перевод Ю. Нейман</i>	205
"Под пальмою индийским дупным днем..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	205
"Свернувшись в мягкий шелковый клубок..."	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	206
Голубое сари. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	207

П о э м а

Убийство в церкви. <i>Перевод С. Литкина*</i>	210
---	-----

Литературно-художественное издание

Кутультинов Давид Никитич

С У Д Ь Б А

Редактор *В. Л. Теленгидова*

Художник *С. А. Бадендаев*

Художественно-технический редактор

С. Э. Котинов

ЛР № 010037

ИБ № 1597

Сдано в набор 16.01.97. Подписано в печать 11.02.97. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отг. 12,71. Уч.-изд. л. 8,37.

Тираж 3000 экз. Заказ 371. "С" 001.

Калмыцкое книжное издательство,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 243, Дом печати.

АПП "Джангар",
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

Кугультинов Д. Н.

К 886 Судьба: Стихи, поэма / Пер. с калм. — Элиста: Калм. кш. изд-во, 1997. — 237 с.
ISBN 5-7539-0376-2

Новая книга стихов народного поэта Калмыкии Героя Социалистического Труда Д. Кугультинова, чей талант сумел развить интеллектуальное направление в современной поэзии, отражает непрерывный процесс размышлений автора о трагическом и героическом времени, творящем судьбу человека, о его взаимоотношениях с природой и обществом, о вечности красоты и любви.

К $\frac{4702260202 - 001}{M 126(03) - 97}$ Без объявл.

ББК 84.317

Калмыцкое книжное издательство